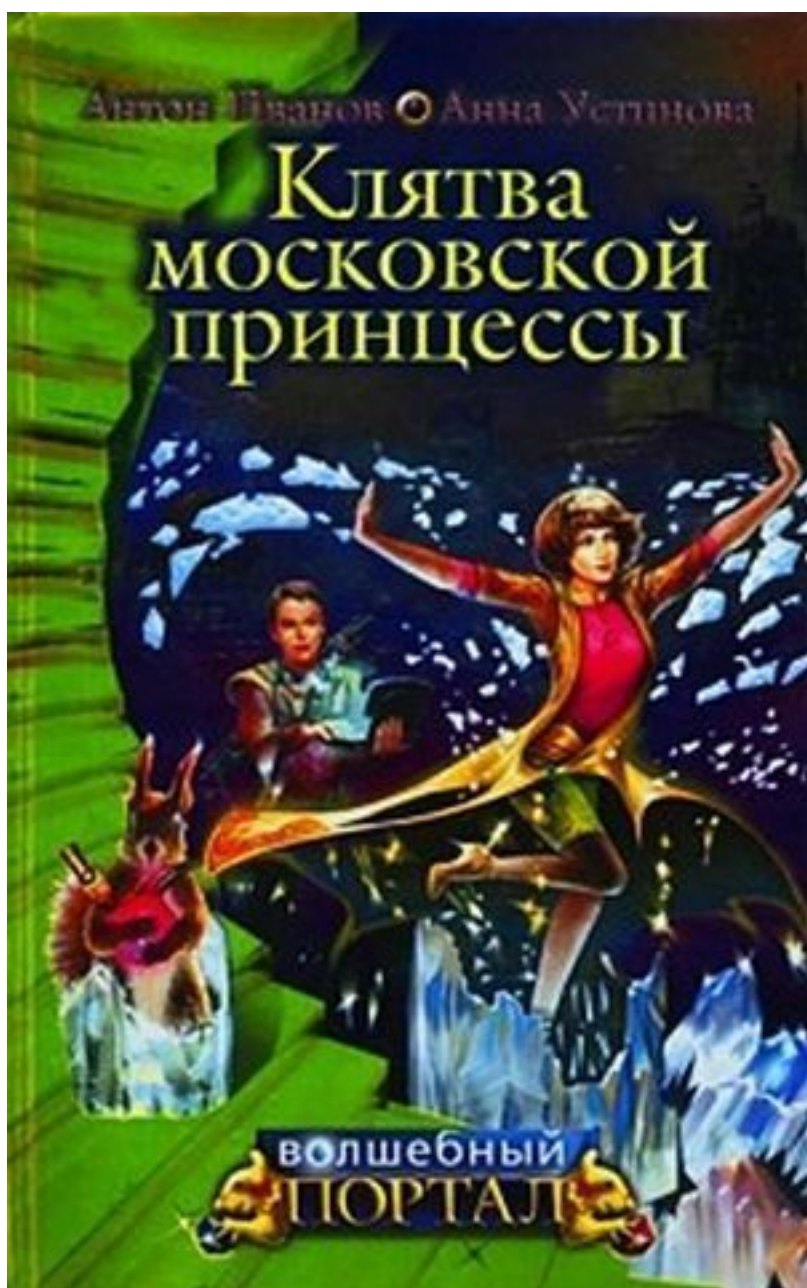

Антон Шварцов ○ Анна Устинова

Клятва МОСКОВСКОЙ ПРИНЦЕССЫ

волшебный
ПОРТАЛ

Волшебный портал

АНТОН ИВАНОВ

Клятва московской принцессы

«АНТОН ИВАНОВ, АННА УСТИНОВА»

2009

Иванов А. Д.

Клятва московской принцессы / А. Д. Иванов — «Антон Иванов, Анна Устинова», 2009 — (Волшебный портал)

Представь: каждую секунду с тобой может случиться все, что угодно. Это увлекательно и интересно, но... ты не всегда будешь рад таким чудесам. Егор Орлов не ждал ничего особенного от поездки на дачу. Он был уверен, все приключения остались по ту сторону волшебного портала в альтернативной Москве, где ему удалось побывать уже дважды... Но опасные сюрпризы из другой реальности нашли Егора и здесь. Тем временем принцесса Зоя спаслась от заговорщиков и благополучно вернулась в столицу Руси и Киндии. Только характер дофины изменился: словно повзрослев за один миг, она отвернулась от всех старых друзей... Раньше никто и представить не мог, что такое возможно. В самый неожиданный момент два параллельных мира соприкоснутся еще раз, Егор вновь окажется в Башне. И должен будет как можно скорее понять, что происходит, иначе он никогда больше не увидит принцессу Зою!

© Иванов А. Д., 2009

© Антон Иванов, Анна Устинова, 2009

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	21
Глава IV	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Антон Иванов, Анна Устинова

Клятва московской принцессы

Повесть

Глава I

Дождик с упорной, изнурительной монотонностью выбивал дробь по стеклам. Егор, приподнявшись на кровати, высунулся в окно. Надежда таяла на глазах. Конечно, вроде бы небо сегодня стало чуть менее серым, чем вчера. И дождь льется уже не стеной. Но все равно мокро и сыро! И это называется лето! Долгожданные каникулы! Жизнь на природе! А в Москве, между прочим, стояли такие жара и сушь, что всем вокруг просто манной небесной казалась хотя бы коротенькая гроза.

Ее каждый день предсказывали. Задыхающийся от зноя город томился в бензиновом мареве. Спасение постоянно откладывалось. Синоптики переносили его на следующий день, объясняя, что циклон неожиданно изменил направление и вместо Москвы унесся куда-то на север.

Гроза разразилась ровно в день их отъезда. Первые увесистые капли ударили по пыльному заплеванному перрону как раз при посадке в поезд. Они заняли свои места в купе. Егор – нижнюю правую полку, его друг и одноклассник Никифор – верхнюю правую, а мама Никифора, Марина Николаевна, – нижнюю левую.

Поезд тронулся. Внизу застучали колеса, а сверху загрохотало. На крышу вагона с шумом обрушился ливень. Окно подернула водяная рябь. Ослепительно полыхнула молния. Прямо в их окне. Марина Николаевна громко ойкнула и отшатнулась.

– Может, мы лучше шторку опустим? – нерешительно предложила она ребятам.

– Бесполезно, – философски заметил со своей верхотуры Коржик. – Если нас стекло не защитит, то шторка тем более.

Оглушительно грохнуло. Мама Коржика подскочила.

– Под небесный салют отъезжаем, – с довольным видом отметил Коржик. – Как виперсоны.

Снова сверкнуло и тут же грохнуло. Марина Николаевна, зябко ежась, забилась в угол.

– Провожает нас Москва, – продолжал ликовать ее сын, – по полной программе. Люблю грозу в начале мая! Хотя нет, не в тему, – поправился он. – Сейчас у нас уже не май. «Мы шли и под грохот канона-ады!» – дурным голосом затянул он.

– Замолчи! – прикрикнула на него Марина Николаевна.

– А чего? Здесь, по-моему, все свои, – возразил Никифор.

Четвертое место в купе пустовало. Марина Николаевна осторожно выглянула в окно.

– Ужас какой творится! Как бы пути не залило. Застрянем где-нибудь. А Федор специально приедет нас встречать.

– Ма, дорога железная. Ее так просто не смыть. Она на такие вещи рассчитана, – заверил сын. – Не по делу волнуешься. И вообще, нервы надо беречь. Уж кому-кому, а тебе надо бы знать об этом. – Мама Никифора работала в психиатрическом отделении одной из московских больниц. – А дядя Федя, если надо, нас подождет. – Он, свесив голову, мечтательно поглядел на Егора. – А прикинь, Орлов, если действительно рельсы смочет, во здорово! Поплывем, как на корабле!

Пути не размыло. Гроза, однако, не расставалась с поездом, преследуя его с завидным упорством. Коржик сперва ликовал. Это же надо, попали в грозовой фронт! Радость его, впро-

чем, длилась лишь до того момента, когда им настало время выходить с чемоданами и баулами на станции прямо под проливной дождь. Хлестало как из ведра. И ветер дул такой, что зонта не раскроешь. Да хоть и раскроешь, чем его держать, если руки багажом заняты! Платформа превратилась в бурный горный поток. Все трое мгновенно промокли до нитки.

В крохотном зале ожидания было неуютно, грязно и пусто. Дядя Федя отсутствовал. Марина Николаевна растерянно озиралась по сторонам.

– Ничего не понимаю. Он же обещал нас встретить.

– Да вы позвоните ему. Вдруг у него обстоятельства изменились, – порекомендовал Егор.

– Как я ему позвоню? Куда? – трагически закатила глаза Марина Николаевна.

– По мобильнику, – пожал плечами Егор.

Никифор фыркнул:

– В этих джунглях, дорогой граф Орлов, мобильная связь не действует. Неохваченная территория.

Егор удивился:

– Как же вы с вашим дядей Федей связь поддерживаете?

– Когда надо, я шлю ему телеграммы, – объяснила Марина Николаевна.

– А он нам звонит с переговорного пункта в Большой Гореловке, – добавил Коржик. – Короче, Граф, добро пожаловать в каменный век.

– Пойду к начальнику станции, – поставила на пол свой чемодан и объемную сумку

Марина Николаевна. – Они с Федором друзья. Может, он что-то подскажет или поможет.

Никифор мрачно хохотнул:

– Ну да. Электровоз в деревню к дяде Феде отрядит. По бездорожью...

– Мне не нравится твой настрой, – сурово оборвала его мама.

– А уж как мне не нравится, – впадал во все большую мрачность Никифор. – У меня, между прочим, ботинки полны воды, и за шкурку затекло, и ночевать на скамейке я совершенно не собираюсь.

– Почему ты все время качаешь права? – рассердилась мама. – Брал бы пример с Егора. Он, между прочим, тоже промок, но в отличие от тебя как воспитанный мальчик молчит. Сядьте и переоденьтесь. А я пошла искать начальника.

– Много он тебе даст, этот начальник, – с пессимизмом бросил ей вслед сын и начал расстегивать мокрый чемодан.

Заглянув внутрь, он ничего не вынул.

– Какой смысл переодеваться, – обосновал он свое решение Егору. – Сейчас ведь поновой на улицу выйдем и опять точно так же промокнем. Тогда вообще ничего сухого не останется. Да и мокрое куда девать?

– Ты совершенно прав, – поддержал его друг и собственный чемодан даже не потрудился раскрыть.

Вскоре появилась Марина Николаевна, и не одна, а в сопровождении двух мужчин.

– Дядя Федя! – возопил Никифор, бросаясь к огромному бородатому человеку.

Егор из этого заключил, что второй спутник Марины Николаевны – невысокий, толстенький, лысенький, в плащ-палатке защитного цвета, и есть тот самый начальник станции.

– А мы думали, ты уж совсем не приедешь! – радостно сообщил дяде Никифор.

– Завяз, – коротко отозвался тот. – Заглох. Трактор помог.

– То есть ты повезешь нас домой на тракторе? – Никифор так восхитился, словно им подали по меньшей мере королевскую карету из Букингемского дворца.

– В некотором смысле, – загадочно произнес дядя. И, протянув руку Егору, добавил: – Федор Николаевич.

– Егор Орлов, – ответил на крепкое рукопожатие мальчик.

– Мы разве в тракторе все поместимся? Нас ведь много плюс наш багаж, – не отставал от дяди Никифор.

– На моей поедем. – Федор Николаевич подхватил разом три чемодана. Два в руки, один – под мышку. – Нам бы засветло добраться.

– Так ты, значит, машину-то починил? – и на сей раз не унялся Никифор.

– Оставь дядю в покое! – прикрикнула мама. – Ты можешь умолкнуть хоть на минутку?

– Активный у вас малец, – то ли с осуждением, то ли с одобрением покачал головой начальник станции.

Никифор покраснел, заткнулся и надулся. Мальцом он себя совершенно не чувствовал. Как-никак они с Егором уже в восьмой класс перешли. Вполне солидные мужики, а с ними общаются, как с детсадовскими. Сплошное унижение!

Привокзальная площадь была похожа на озеро, посреди которого, утопая колесами в воде, стоял трактор и прицепленная к нему тросом выдавшая виды «Нива». Дядя Федя с энергией катера бодро внедрился в разбушевавшуюся стихию. С такими резиновыми сапожищами, как у него, и Ниагарский водопад перейти не проблема. Егору, Никифору и Марине Николаевне пришлось куда тяжелее. Они брели по колено в воде. Начальник станции, благоразумно оставшись на суше, под спасительным козырьком входа, махал им вслед:

– Счастливого пути!

– И вам тоже не утонуть, – тихо буркнул Никифор. – Еще пару таких деньков, и вместе с вокзалом ведь уплывете.

Марина Николаевна сердито зыркнула на него из-под зонтика. Брат ее обернулся и, оценив ситуацию, принял решение:

– Заедем в магазин. Сапоги купим. С собой-то небось захватить не догадались.

– Не догадались, Федя, – призналась Марина Николаевна. – Даже в голову не могло прийти. В Москве ведь жара стояла. А что, у вас тут так часто?

– Случается, – неопределенно откликнулся ее брат и, подумав, добавил: – Ну и в лес ходить в них надежнее. В смысле, в сапогах.

– А что там? – насторожилась Марина Николаевна.

– Всяко бывает, – уклончиво ответил брат.

– Что конкретно «всяко»? – не удовольствовалась его ответом сестра.

– Гадюки, – с неохотой выдал из себя дядя Федя.

– Кранты. В лес не пустят, – обреченно шепнул Егору Никифор. – Мать даже ужей боится, а тут, конкретно, гадюки.

– И зачем твой дядя сказал?! – в свою очередь расстроился Егор.

Марина Николаевна с каменным лицом забралась в «Ниву». Федор Николаевич, привязав к багажнику на крыше их чемоданы и накрыв их полиэтиленовой пленкой, сел за руль и гуднул. Трактор с ревом и скрежетом тронулся.

Добраться до дяди-Фединого дома им удалось засветло, однако не посуху. Дождь продолжал настойчиво лить. Выбравшись из машины, они стремительно забежали в сени, хотя это и не спасло их. Все трое давно уже вымокли, а за время поездки в холодной машине еще и продрогли. У Егора зуб на зуб не попадал, а круглая и обычно румяная физиономия Коржика стала синей.

– Горяченького бы чайку, – не успев переступить порог, потребовал он.

– Иди, ставь чайник, – лаконично отреагировал дядя Федя.

– Сперва пусть в сухое переоденутся, – возразила Марина Николаевна. – А после и впрямь обязательно нужно что-нибудь горяченькое.

– Суп есть, – сообщил ее брат.

– Замечательно, – зябко потерла руки Марина Николаевна.

– Вы наверх, – указал ребятам на лестницу дядя Федя.

Они, подхватив чемоданы, поспешили по скрипучим ступенькам в указанном направлении. Федор Николаевич загремел дровами, сложенными возле печи.

– Ща протопим как следует, и тепло будет, – донесся до них его голос.

Мальчики обнаружили на втором этаже две комнатенки. Одна явно принадлежала дяде Феде, вторая предназначалась им. В ней стояли два топчана с аккуратно сложенным в изголовье чистым бельем, небольшой платяной шкафчик и этажерка с книгами.

– Скромненько. На пятизвездный отель, конечно, не тянет, но жить можно. Особенно если погода хорошая, – сказал Коржик. – Ну, когда здесь только ночуешь.

Мальчики оперативно облачились во все сухое и побежали вниз. На плите уже стояли чайник и большая кастрюля. В печи весело гудел огонь, а дядя Федя резал свежезакупленные хлеб и колбасу. Выкладывая в масленку масло, он сообщил:

– Домашнее. Соседкино. – И, повернувшись к мальчикам, коротко бросил: – Расставляйте тарелки.

Вскоре они уже уплетали обжигающие кислые щи с грибами, – то ли действительно жутко вкусные, то ли им так казалось с голодухи. Суп изрядно согрел их. Всех, кроме мамы Коржика, продолжающей зябко ежиться.

– Сейчас чайку тебе специального на травках заварю, – с тревогой воспринял ее состояние брат. – Выпьешь с медом и малиновым вареньем и полезай на печку. К завтрашнему дню как рукой снимет.

– На печку не лезу, – воспротивилась Марина Николаевна. – Там очень душно. Мне плохо станет. Да ты, Федя, не волнуйся. Чайком прогреюсь, и пройдет.

Но не прошло. К утру у Марины Николаевны поднялась температура. Она отчаянно чихала и кашляла, лежа на первом этаже в комнате за печкой. А за окном продолжало беспрестанно лить.

– Разверзлись хляби небесные, – кратко высказался по сему поводу Федор Николаевич и, натянув на себя огромный брезентовый плащ-палатку, направился кормить кур.

– А нам теперь чего делать? – спросил Егор у Никифора.

– Сложный вопрос, – был и сам в замешательстве тот. – Можно книжку почитать или во что-нибудь поиграем, или... – он задумался. – Телевизора нет. Дядя Федя его не любит. Есть только радио.

Дождь продолжал лить на следующий день и еще на следующий. Мальчики изнывали от скуки. Дядя Федя становился все угрюмее и, как казалось Егору, с каждым днем прибавлял в объеме и росте, сокращая своим присутствием свободное пространство и без того тесного дома. Мама Никифора по-прежнему чихала, сморкалась, кашляла и температурила. От жара у нее болела голова, и она беспрестанно одергивала ребят:

– Никифор, Егор, умоляю, не топайте, не гремите! И так голова раскалывается!

Наконец, дождь чуть-чуть приутих, а к полудню сменился на мелкую морось. Дядя Федя, вернувшись с улицы, шумно скинул сапоги и решительно произнес:

– Погода налаживается. Самое время для рыбалки.

– Но там, по-моему, еще капает, – нерешительно возразил Егор.

– Ерунда, – отмахнулся Федор Николаевич. – Не сахарные, не размокнете. Я вам уже приготовил по плащ-палатке, а сапоги у вас уже есть. К ужину как раз карасей наловите.

– Федя-я, – слабым голосом протянула из маленькой комнаты мама Никифора. – А это не опасно?

– Нет. Я за ними пригляжу, – пообещал ей брат. – Ну, что расселись? Собирайтесь, – повернулся он к мальчикам. – Наживку я вам приготовил. Удочки в сенях. А клев в мелкий дождь самый лучший.

– Ты уверен? – с сомнением покосился на дядю Никифор.

– Совершенно, – энергично кивнул тот и шепотом добавил: – Матери дай хоть немного прийти в себя, оглоед.

Путаясь в длинных широких плащах, ребята в сопровождении Федора Николаевича вышли из дома. В воздухе плавала водяная взвесь.

– Сыровато, – поежился Никифор.

– Я вам термос с чаем в рюкзак положил, – явно не собиравшись вносить коррективы в намеченный план Федор Николаевич.

– Нам? – переспросил Егор. – А вы разве не идете?

– Своих дел полно, – провел рукой по окладистой бороде дядя Федя. – Сейчас доведу вас до лодки, стащим ее в озеро, и рыбачьте себе на здоровье. А я часика через два за вами вернусь.

– То есть мы не с берега будем ловить? – задал новый вопрос Егор.

– Берег сейчас что болото. В лодке сподручнее. Там хоть сядете на сухое, – растолковывал ему Федор Николаевич.

Двадцать минут спустя ребята уже куковали под морозящим дождем в лодке, отплывшей на десяток метров от берега. Кривя пухлые губы, Никифор с безнадежностью созерцал неподвижный поплавок.

– Развел нас с тобой дядя, Граф, как лохов. Какая же уважающая себя рыба в такую погоду будет клевать! Выперли нас из дома, чтобы мы маме болеть не мешали. В общем-то, если честно, мне самому там уже было тошно сидеть, но здесь, по-моему, еще хуже. У меня от этой лодки клаустрофобия начинается. И ноги мерзнут.

– А я тебе говорил: надень шерстяные носки, – напомнил Егор.

– Ну их. Они так колются. Лучше чайку для согрева попить. Где там у нас термос?

Встав на ноги, он потянулся к рюкзаку. Лодка опасно накренилась.

– Осторожнее! – взвыл Егор.

Коржик поторопился плюхнуться на скамью.

– Лучше б дома остались. Там хоть по лестнице взад-вперед ходить можно.

– Вот оттого, что ты по ней слишком много ходил, нас с тобой сюда и сослали, – невесело усмехнулся Егор, которому дождевая рыбалка тоже не слишком пришлась по душе.

– Слушай, а может, смогаем удочки? Ежу ведь понятно: улов нам сейчас не светит. Сядем на весла...

– И что дальше? – без малейшего воодушевления воспринял его задумку Егор.

– На том берегу есть хутор, – продолжил Никифор. – Доплывем, зайдем в гости. Узнаем, как у них дела. Погреемся. Может, нас даже там чем-нибудь угостят. А к приходу дяди Феди пригребем на исходную точку. Докладывать ему, конечно, об этом совершенно необязательно. Ну, поплыли?

– Да уж лучше, чем здесь прозябать, – вздохнул Егор. Он действительно начал мерзнуть.

Они синхронно заработали веслами. Лодка плавно развернулась и взяла курс на противоположный берег. Движение их согрело и несколько приободрило. Радость, однако, была краткосрочной. На середине озера они попали в полосу густого непроглядного тумана. А так как гребли мальчишки, не оглядываясь на то, что творится у них за спинами, молочное облако явилось для них совершеннейшей неожиданностью. Где один берег и где другой – не понятно. Хоть ножом режь этот туман!

– Я чувствую себя лягушкой в кринке с молоком, – бросив весло, объявил Никифор.

– Какой еще лягушкой? – не уловил смысла Егор.

– Ну, той самой, которая, попав в молоко, не утонула, а работала лапами и взбила масло.

– А-а, – протянул Егор. – Тогда погребли дальше.

– Вопрос, куда, – озадаченно поскреб затылок Коржиков. – Эх, Граф, зря поплыли. Лучше б остались на месте и подождали дядю.

– Так идея твоя была, – справедливости ради заметил Егор. И, чуть помолчав, добавил: – Я себя, например, здесь чувствую, как ежик в тумане. Вот сейчас какая-нибудь голова высунется и скажет: «Ку-ку!»

– Ну, мы же не на Лохнесе, – сказал Никифор.

– Не понял, – уставился на него Егор.

– Ну, чья еще морда, кроме чудовища, может высунуться из тумана посреди озера. Чудовищ здесь точно нет. Только рыба, и в основном мелкая. Слушай, по-моему, там просвет намечается. Курс на него.

Туман и впрямь понемногу рассеивался. Ребята вроде бы даже смогли разглядеть смутные очертания деревьев.

– Видно, мы все же подходим к противоположному берегу, – обрадовался Никифор. – Налегай на весла.

Однако он почти тут же остановил Егора:

– погоди! смотри!

Тот оглянулся и изумленно замер. В нескольких метрах от них плыла... девушка с длинными белыми волосами. Нет, она не плыла, потому что в воду была погружена лишь по пояс.

– Но там же глубоко, – ошарашенно прошептал Никифор.

Белые длинные волосы девушки струились по ее спине и скрывались под водой. Она беззвучно и плавно двигалась вперед, опустив руки в воду. В воде за ней что-то мелькнуло.

– Эт-то р-русалка, – заикаясь, выдохнул Никифор. – М-мы п-погибли.

Глава II

Голос его, по-видимому, достиг ушей белокурой девушки, и она, обернувшись, расхохоталась:

– Тут же мостки! От дождя озеро разлилось, вот они теперь и под водой. А вы подумали... – Новый взрыв ее смеха звонкой трелью разнесся по воде. – Решили, я всплыла вас околдовать?

Никифор покраснел.

– Нет, просто странно. Я же знаю: здесь глубоко. Дна нету. И плыть так нельзя. Да и холодновато сейчас для купания.

– Разве? – удивилась девушка.

Приглядевшись, ребята поняли: она их постарше, но не намного, от силы года на три.

– А по-моему, вода даже теплее, чем воздух, – с удовольствием окунувшись по самую шею, девушка снова выпрямилась. – Мне лично нравится. Вы сами-то откуда? С того берега?

– Да, – Коржиков расправил плечи и чуть приподнялся на скамье, стремясь казаться взрослее и выше. – Из Москвы на отдых приехали. К дяде моему Федору Николаевичу. Лесничему. Знаешь?

По лицу девушки пробежала тень, однако она кивнула. Он тем временем продолжал:

– Меня зовут Никифор Коржиков...

Девушка прыснула. Никифор сердито зарделся и добавил:

– А это мой лучший друг Егор Орлов.

– А я Марена, – назвалась девушка. – Можно просто Мара.

– Ты, наверное, к Косачевым приехала, – предположил Никифор.

– Да нет, – покачала головой Мара. – Они еще осенью отсюда съехали.

– Правда? – удивился Никифор. – А я не знал.

– Теперь будешь знать, – покивала она. – Дом их теперь стоит заколоченный. А я у бабушки поселилась на лето.

– У бабушки? – удивился Коржиков. – Имеешь в виду Потылиху? Но она ж... – он осекся.

– Уж начал, так договаривай, – опять засмеялась Мара. – Ведьма. Думаешь, я не знаю, как в деревне ее называют.

– Ну-у... – замялся Коржик. – В некотором смысле... оно... это... да.

– В некотором смысле, – передразнила Мара. – А как что у кого заболит, мигом к ней бегут. Больница-то далеко, а фельдшеру из Большой Гореловки хороший хозяин даже свинью лечить не доверит, а сам уж точно к нему не пойдет.

– Ну да. – Коржиков был в курсе местных проблем с медициной.

Егор, слушая их разговор, с интересом разглядывал девушку. Кем бы там ни была ее бабушка, сама она на ведьму совершенно не походила. Скорей уж действительно на русалку. Красивая. Лицо с нежной и очень белой кожей. Черты правильные. Огромные зеленовато-серые глаза. Тонкие и неожиданно темные брови вразлет. Короткий прямой носик. Пухлые губы, правда, не алые, а какие-то слишком светлые. Наверное, от холода. Явно врет, что в воде ей сейчас тепло.

– Ты куда-то конкретно по этим мосткам направлялась? – спросил он у нее. – А то залезай к нам в лодку. Мигом доставим до берега.

– Ничего конкретного, – покачала головой Мара. – Просто решила проверить, насколько вода поднялась. А заодно и купнуться. Дома за эти дни насиделась. Только лодка мне ваша без надобности. Своим ходом скорее вас доберусь. Давайте наперегонки. А потом приглашаю в гости. – Глаза ее задорно блеснули. – Если, конечно, ведьм не боитесь.

– Никаких ведьм нет! – с вызовом вздернул голову Никифор. – Во всяком случае, я в них не верю.

– Да ты не волнуйся, – отозвалась Мара. – Бабушка сейчас все равно в отъезде. Так что можете зря не бояться.

– Мы и не боимся, – заверил Егор.

Посетить жилище ведьмы в ее отсутствие – это ли не развлечение, особенно после трех дней, проведенных в тесном домике дяди Феде! Ведь ведьма почти то же самое, что колдун или кудесник. На мальчика нахлынули воспоминания. Последнее время он как-то почти не думал о другом мире, в котором ему пришлось побывать уже дважды. Зоя, Белка, Христофор Павлович... Образы их подернулись дымкой, вытесненные круговертью окончания учебного года. Потом была еще практика, во время которой они с Никифором и другими одноклассниками под палящим солнцем приводили в порядок небольшой зеленый островок возле здания школы.

Теперь вместе с воспоминаниями на него накатила смутная тревога. Как они там, в другой Москве? Что происходит в Башне? Проявили ли себя Зоины враги, и разбудил ли уже кудесник Зою, пребывавшую в таком глубоком сне, что непосвященные считали ее мертвой? Вдруг у них что-нибудь сорвалось? Но он гнал от себя нехорошие мысли. Ведь старый кудесник заверил его, что с Зоей все будет в порядке, и сон, в который он ее ввел, не причинит ей ровно никакого вреда. Как Егору снова хотелось бы снова попасть туда и убедиться в этом воочию! Но он не властен самостоятельно открыть путь в другой мир. И когда представится случай, неизвестно. Может, вообще никогда. В таком случае ему больше не узнать ничего о Зое, а ей не узнать, что случилось с ним. Егор тяжело вздохнул.

– Что-то я тебе не верю! Вон как поскучнел! – уже прыгала на берегу стройная длинноногая Мара. – Уж признайся честно, что поджилки трясутся!

– Было б с чего трястись, – буркнул Коржик, хотя слова Мары были обращены к Егору, чей задумчивый вид она приняла за испуг. – Он твою бабушку даже ни разу не видел.

– Из чего я делаю вывод, что ты сам с моей бабушкой встречался, и не без последствий! – ехидно воскликнула девушка. – Дай-ка, попробую угадать. Она, наверное, на тебя гуся натравила.

– Откуда ты знаешь? – вытаращился Никифор.

– Так я же ведьмина внучка, а значит, всех насквозь вижу, – явно подначивала его Мара. – Ведь права я, да?

– Было дело, – выдавил из себя Коржиков. – Я на велике дяди-Федином к Косачевым приехал, а цыплята твоей бабушки мне прямо под колеса бросились. Чуть не задавил. Тут она своему гусю «фас» и скомандовала.

– Он у нее чего, дрессированный? – заинтересовался Егор.

– Мне-то почем знать, – огрызнулся Коржик. – Только он на меня, как зомби, сразу попер. Крыльями захлопал, шипит. Огромный, жирный. Тонну, наверное, весит. Еле удрать удалось.

Девушка спряталась за кустом.

– Сейчас переоденусь и поведу вас к себе, – раздалось оттуда.

«Факт, замерзла, – снова подумал Егор. – И что ее на подвиги потянуло? Холодрыга ведь, а она – купаться. И ладно бы плавала, это хоть согревает, а то просто бродила. С прибабахом девчонка. Впрочем, бабушка у нее, видать, тоже неординарная. Ясно, в кого внучка пошла».

Мара предстала им облаченная в джинсы и резиновые сапоги. Поверх коротенькой майки она натянула куртку с капюшоном.

– Давайте затащим лодку повыше, – посоветовала она. – А то вдруг вода еще поднимется и унесет ваше плавсредство на середину озера. Боюсь, Ники, твой дядя тебя за это не похвалит.

– Я не Ники, а Ник, – строго поправил ее Коржиков.

– А мне больше нравится Ники, – сказала Мара. – Но, вообще-то, как хочешь.

– Да пожалуйста, называй Ники, – с неожиданной легкостью уступил тот.

Егор не верил своим ушам. Никифор обычно крайне болезненно относился к любым искажениям своего имени. Он только Егору позволял называть себя Ником, и то исключительно потому, что это звучало кратко и мужественно. В классе его частенько дразнили: «Не кефирчик, а сметана с коржиком». Он впадал в полную ярость и кидался на обидчиков с кулаками, но так как был невысоким и пухленьким, да и не слишком ловким, ему самому в большинстве случаев и доставалось.

Втроем они затащили лодку на возвышение и побрели по тропинке вверх меж густых зарослей, за которые еще продолжали цепляться ключья густого тумана. Дождь продолжал моросить, с веток капало. Не слишком уютно. Мара, однако, бодро шествовала впереди.

Егору было сперва невдомек, чем она так довольна. Потом он сообразил, что ей тут одной, наверное, очень скучно. Никого ведь вокруг, кроме бабушки, у которой характер явно не сахар. Вот Мара и радуется неожиданно обретенной компании. К тому же она не из местных, а гореловские ребята вряд ли горят желанием общаться с внучкой ведьмы. Предрассудки – страшная сила. Интересно, откуда Мара приехала?

Он как раз хотел ее об этом спросить, когда впереди показался дом. Черная покосившаяся двухэтажная изба. Все окна и двери забиты закопченными подгнившими досками.

– Ни фиги себе! – ахнул Никифор. – Если не знать, ведь подумаешь, будто здесь сто лет уже никто не живет. А в прошлом году был такой симпатичный чистенький домик. Эх его покорежило. И краску за зиму смыло.

– Так они и съехали из-за того, что вроде фундамент треснул, одну из стен повело. Испугались, что рухнет, а на ремонт денег не наскребли. И на скот у них мор напал, – рассказала Мара.

Они осмотрели двор, заросший двухметровыми кущами крапивы и борщевика. Даже страшно к дому подойти. Да, в общем, и никакого желания не было. От заброшенного хутора Косачевых тянуло серой глухой тоской. Хотелось скорее уйти подальше.

– А вам с бабушкой не страшно жить рядом? – вырвалось у Егора. – Мало ли... Ну божжи какие-нибудь сюда заберутся...

– Страшно? – хихикнула Мара. – Не забывай, Егор, у меня бабушка ведьма. Любого в два счета прогонит. А не послушается – заколдует. В паука превратит. – Она снова расхохоталась. – Кинет в угол хлеба, и висеть ему там в паутине до окончания дней своих.

– Уже напугались, – небрежно бросил Никифор. – Нет, но вы только подумайте, – никак не мог успокоиться он. – Хозяйство налаженное. Дети-мелкота бегали, визжали. Собаки тьякали. Коровы мычали. Козы там, свиньи разные...

– Понятно, сильно шумели, – вмешалась Мара. – Я-то как раз без всего этого шума-гама отдыхаю.

– Разве в шуме дело. – Когда Коржиков оседлывал какую-то тему, останавливать его было делом бессмысленным. – Жизнь у Косачевых кипела. Огородище большой. Подсолнухи размером с таз. Нигде больше таких не встречал. И вот ничего не осталось. Даже следа. За одну зиму полная разруха. Куда же все делось? Крыжовник, помню, у них перед домом рос, смородина: черная, красная, белая. Вишни. Яблони. Сливы. А теперь одна крапива. С собой, что ли, все выкопали и увезли?

Мара пожала плечами:

– Понятия не имею. Может, померзло. Морозы здесь прошлой зимой, я слышала, были сильные.

– Тогда бы у всех померзло, а у дяди Феди растет, – резонно отметил Никифор.

Они дошли до следующего дома – довольно ладной одноэтажной избы из толстых просмоленных бревен с аккуратными резными белыми наличниками на окнах и с красной шиферной крышей. Ничего зловещего. Совершенно на ведьминский дом не похоже.

Мара открыла калитку. Ребята вошли во двор. Егор так и ждал, что навстречу им кинется какая-нибудь собака или цыплята с гусем. Нет, живности не видать. Впрочем, ее и слышно не было. Перед домом простиралась ровная полянка, поросшая низенькой травой, будто ее недавно скосили.

– И где же ваш знаменитый гусь? – поинтересовался Егор.

– Что? – вскинула на него глаза Мара. Вопрос, похоже, застал ее врасплох. Мгновенье спустя она спохватилась: – Ах, ты об этом. Да его уже нет. Бабушка на Новый год съела.

– И цыплят? – решил выяснить Никифор.

– А их в этом году просто не завела, – на сей раз не замешкалась с ответом девушка. – Корм нужен. Раньше ей Косачевы привозили, когда сами закупались, а без них ей тяжело.

– Но прежние-то цыплята куда делись? – заклонило на птицеводстве Коржикова.

– Продала, – коротко объяснила Мара и первой поднялась по резному крылечку в дом. – Милости прошу к нашему шалашу, – пригласила она мальчиков внутрь.

Войдя, они оказались в просторной комнате с четырьмя окнами, на окнах висели белые тюлевые занавески. Тут были и стол с шестью стульями, накрытый чистой льняной скатертью, и старинный кожаный диван с высокой спинкой, и большая русская печь, и древний буфет с посудой. Пол устлали домотканые узорчатые половики. Чисто, уютно. Приятно пахло яблоками и корицей, хотя яблоки еще не созрели. А главное, нигде никаких пучков трав или склянок с таинственными зельями, черных котов, сушеных мышей и жаб. Самая что ни на есть обычная комната, по которой видно: хозяйка жилища опрятна и домовита. Холостяцкая обитель дяди Федя выглядела куда неухоженней. «Вот и верь после этого людям, – подумал Егор. – Насочиняют про человека с три короба, а он живи потом с этим».

Никифор тоже с недоумением озирался по сторонам:

– А у вас тут хорошо.

– Спасибо на добром слове, – одарила его улыбкой девушка.

Коржиков покраснел и потупился.

– Чайку хотите? – предложила она.

Ребята кивнули. Мара скрылась в закутке за печкой. Там загремела посуда.

– Тут все изменилось, – зашептал Никифор на ухо Егору. – Я в прошлом году к ним в окошко заглядывал – просто ужас. Как на помойке бабка жила. Видать Марины предки к дочкиному заезду ремонт у Потылихи организовали. Между прочим, я Мару здесь раньше никогда не видел. И даже никогда не слышал о ее существовании.

– Мальчишки, помогите мне накрыть на стол! – выглянула из закутка девушка. – Вот чашки, вот тарелки. Малиновое варенье. Мед. А то еще простудитесь.

– Простуда, по-моему, больше тебе грозит, – уже расставлял чашки Егор. – Мы-то с Никифором не купались.

Мара в ответ хмыкнула, однако Егор отметил, что губы у нее по-прежнему не порозовели. Беря у нее тарелки, он как бы случайно дотронулся до ее руки. Ледяная! Для чего ей понадобилось до такой степени промерзнуть в озере? Или утопиться решила? Хотя непохоже. Вон улыбается, кокетничает. Странно...

Никифор не сводил с Мары глаз.

– А почему мы раньше здесь никогда не встречались? – спросил он, едва они уселись за стол.

– И впрямь удивительно, – улыбнулась она. – Видимо, приезжали в разное время. Ты в один месяц, а я в другой. Наверное, не каждое лето у дяди с июня до конца августа жил?

– Я даже не каждый год здесь бываю, – подтвердил Коржиков.

– Ну вот. Значит, не совпадали.

– Но мне даже никто про тебя не рассказывал.

– Да моя бабушка мало с кем тут общается. Я и сама с удовольствием провожу время в одиночестве. Так приятно от города отдохнуть. Этим летом совсем хорошо. Косачевы не шумят. А ни в ту, ни в другую деревню я вовсе не хожу. Что я там забыла?

– Сама-то ты тоже из Москвы? – наконец смог поинтересоваться Егор.

– Из Питера, – внесла ясность Мара.

Егор почему-то ей не поверил. Может, из-за того, что произнесла она это, старательно отводя от него глаза. Зачем бы ей врать? Какая разница, где человек живет? Разве что на самом деле она приехала из какого-нибудь маленького городка и комплексует перед москвичами. Ну и пусть, если ей так больше нравится. Девчонка-то, между прочим, вполне симпатичная. Вон Коржик слушает ее, разинув рот. Сам на себя не похож. Явно она ему сильно понравилась. Интересно все-таки, сколько ей лет? Спросить? А вдруг обидится? С женским полом в этом смысле большие сложности...

В его размышления вторгся голос Мары, видимо, отвечающей на вопрос Никифора:

– Мне зимой будет пятнадцать.

– А мне четырнадцать, – с наглым видом заявил Коржиков, выразительно косясь на Егора.

«Во, врет и не краснеет, – отметил про себя тот. – Ему же только недавно тринадцать исполнилось! И, главное, это вполне видно. Еще за шестнадцатилетнего бы себя выдал».

Мара, однако, сомнений не выразила. Егор счел за лучшее свой возраст не сообщать. Врать не хотелось, а сказать правду – значило подставить Коржика. К счастью, с Мариной стороны вопросов и не последовало. Никифор захлеб болтал с ней, и оба они, похоже, вообще забыли о том, что Егор сидит с ними рядом. Тот молча пил чай, ел вкусное малиновое варенье, с удовольствием ощущая, как благодное тепло разливается по телу, и от нечего делать скользил взглядом по комнате, которая производила на него все более странное впечатление. Может, это, конечно, последствие недавно сделанного ремонта? Старые рухлядь и хлам выкинули, а новая обстановка еще как бы не прижилась. Не зная, трудно предположить, что здесь много лет обитает старая женщина. Ни картинок на стенах, ни фотографий, ну, или вазочек, или икон в красном углу, как у многих деревенских. Стерильная чистота, пустота и... безликость.

Егора подмывало заглянуть в другую комнату. Может, эта Потылиха просто такая аккуратная и в парадной комнате каждое утро идеальный порядок наводит?

Мальчик встал из-за стола.

– Ты куда? – не укрылся его маневр от внимания Мары.

Мигом сообразив, как выйти из положения, он посмотрел на часы, собираясь объявить, что им с Коржиком уже пора домой, однако, определив время, впал в неподдельную панику, ибо время, отведенное им на рыбалку, давно истекло.

– Бежим, Ник, нас там уже Федор Николаевич заждался!

Коржик, сверившись со своими часами, изменился в лице.

– Он ведь сейчас вообще решит, что мы утопи!

– А я о чем, – придерживался того же мнения Егор.

Мара была недовольна. Это без труда читалось на ее поскучевшем лице. Похоже, Егор нарушил какие-то ее планы. Коржик судорожно допивал чай, к которому до этого не притронулся, ибо был целиком поглощен разговором с девушкой.

Егор первый кинулся в сени и, невзирая на спешку, на миг замешкался возле чуть приоткрытой двери во вторую комнату. Глянуть внутрь ему удалось лишь мельком, но, кажется, и она была такой же безликой. Совсем удивительно! Пихнув ноги в резиновые сапоги, он, опережая Мару с Никифором, вылетел на улицу, намереваясь посмотреть в окошко.

Здесь его ожидало неожиданное препятствие. Окно располагалось чересчур высоко от земли и к тому же было задернуто занавесками из плотного тюля. Рядом валялся пустой дере-

вянный ящик. Использовать его в качестве постамента? Нет, поздно. На улице показались девушка и Коржиков. Ник что-то дожевывал на ходу, одновременно неуклюже натягивая плащ.

– Завтра опять приплывем и тебя навестим, – пообещал он Маре. – К себе пока не приглашаю. Мать болеет. А если погода исправится, можем все вместе в лес пойти погулять.

«Оптимист», – подумал Егор, поглядев на плотно затянутое свинцовыми тучами небо. По-прежнему моросило. Дул ветер. Мальчик поплотнее затянул тесемки на капюшоне.

Мара их провожать до озера не пошла, и волочь вдвоем лодку к воде оказалось совсем не легко. Наконец лодка закачалась на волнах. Друзья налегли на весла.

– Классная девчонка, – бурлил от избытка чувств Коржик. – Совершенно не ожидал встретить такую в этой глуши. Да оно и понятно: она ж не отсюда. Сразу видно, из Питера. Я как увидел, сразу просек.

Егор усмехнулся. Никифор, не заметив этого, продолжал восторженно разглагольствовать:

– Говорить с ней одно удовольствие! На лету ловит! И не кривляется, вроде некоторых из нашего класса. Такая, Граф, понимаешь, простая и в то же время совсем не простая.

– Это потому, что она старше, – ехидно заметил Егор.

– Подумаешь, на полтора года всего, – отмахнулся Коржиков. – И вообще, мама моя говорит, что психологически я опережаю свой возраст. Она мне один тест давала, и по нему получилось, что мне не меньше пятнадцати, а может, и все восемнадцать.

– Психологически, может быть, – покачал головой Егор. – А для женщин важно, каков ты физически.

Замечание друга Коржикову не понравилось, и он запальчиво возразил:

– Ничего ты, Граф, не понимаешь! Как свидетельствует статистика, женщин в мужчинах в первую очередь привлекает ум, а не внешность. А у меня как раз в этом плане полный порядок.

Егор хихикнул:

– Коржик, а ты уверен?

Тот победоносно вскинул голову:

– Интересно, почему иначе она всю дорогу со мной, а не с тобой разговаривала? Давай рассуждать объективно. Ростом ты выше меня. И внешность у тебя гораздо эффектнее, особенно после того, как очки свои уродские перестал носить, – он умолк, а потом добавил: – Ну, в общем, как говорила своей подруге наша Наташка Смолина: «Этот Орлов, между прочим, такой симпатичный!»...

Егор обомлел. Во-первых, от неприкрытой зависти в голосе друга, а во-вторых, потому, что по привычке продолжал числить себя чуть ли не уродом, который не может понравиться ни одной девчонке. И вот такое интересное открытие!

– И не делай, пожалуйста, вид, будто первый раз это слышишь, – обиженно прогудел Никифор. – Правда, Смолиной все равно больше нравится Брэд Питт, кто-то там еще и Заславский из девятого «Б». Короче, ты у нее в конце списка.

«Я-то, может, в конце, а Коржика в него вовсе не занесли, и это его сильно гложет», – без большого труда разобрался Егор.

– Вот ты мне ответь, – продолжал Никифор. – Почему Мара на тебя даже не глядела? Ты для нее как бы пустое место. А со мной...

– Потому что ты не умолкал, – пояснил Егор.

– Потому что ей со мной интересно, – пропустил его выпад мимо ушей Коржиков.

– Да я разве против? Пожалуйста.

– А даже если и был бы против, без разницы! – Никифор едва не упустил в воду весло. – Эта девчонка не на тебя, а на меня глаз положила.

– Слушай, я ни на что не претендую, – едва сдерживался от душившего его смеха Егор.

Коржиков свирепо скрипнул зубами:

– Не претендуешь, значит? Девчонка, скажешь, не супер? – У него стало такое лицо, что дальше только дуэль, смертельный поединок до последней капли крови, в ходе которого он уж докажет Егору несравненную привлекательность Мары.

– Да красивая, очень красивая, – поторопился остудить его тот. – Только не в моем вкусе.

– Чем это, интересно, она не в твоём вкусе? – остервенело рванул на себя весло Никифор.

– Ну-у, Мара блондинка, а мне больше брюнетки нравятся.

Никифор презрительно хохотнул:

– Значит, Смолина в твоём вкусе?

– Нет. Она мне тоже не нравится, – признался Егор.

– Почему? Она же брюнетка.

– Да. Но какая-то не такая. «Разве можно сравнить ее с Зоей Гайли, – добавил он про себя. – Только бы с ней все действительно было в порядке», – вновь охватила его тревога. И хотя он был уверен, что кудесник и преданная Белка глаз не спустят с дофины, пока ситуация в Башне хоть чем-то ей угрожает, на сердце опять заскребли кошки. Впрочем, быть может, он просто очень соскучился по Зое. Но Коржик ведь не поймет.

– Ты, Граф, сам не знаешь, что хочешь. Определись сперва со своими пристрастиями, а потом выбирай, – тоном умудренного опытом покорителя женских сердец дал совет Никифор.

– Да я покамест особо не тороплюсь. Это ты уже выбрал...

– Какой ты, Граф, еще молодой и наивный, – свысока поучал Коржиков. – Запомни: не мужчина женщину выбирает, а женщина – мужчину. Непреложный закон природы.

Он собирался добавить еще что-то мудрое, но тут за их спинами послышался жуткий рев. Оглянувшись, они увидели: это орет дядя Федя.

– Ну, Граф, держись. Ща нам вломят по полной, – обреченно констатировал Никифор.

Федор Николаевич повел себя весьма эмоционально. Вопреки обычному своему немногословию, он произнес длинную, цветистую и пылкую речь, то и дело прибегая к весьма сильным эпитетам. Ребята выслушали его молча. Отчасти от сознания своей вины, а отчасти руководствуясь инстинктом самосохранения. Дядя их молчаливой скромности не оценил и взбесился еще сильнее.

– Прихожу, смотрю: ни вас, ни лодки! – прорычал он. – Ношусь по берегу. Куда девались? Никто не видел. В голову лезет самое худшее! А мать у тебя, обалдуя, больная. Что я ей скажу? Как в глаза посмотрю? Ведь забрал под свою ответственность! Куда вас, двоих мудрецов, унесло? Вам что было велено? Рыбу ловить. А вы куда дунули?

Вопрос был не риторический. Федор Николаевич решительно настроился выяснить географию их маршрута.

– Рыба плохо клевала. Мы замерзли. Решили сплавить и навестить Косачевых, – ковыряя ботинком раскисшую землю, прохныкал племянник.

– Каких, к куриным чертям, Косачевых? – взревел дядя Федя. – Они еще осенью съехали!

– Мне-то откуда об этом знать? – оправдывался Никифор.

– Не знал он! – потряс у него перед носом огромнейшим кулаком дядя Федя. – Я ж вам писал!

– Ну, наверное, мать то письмо мне прочесть не дала.

– Допустим, – чуть-чуть поутих Федор Николаевич. – Понесло вас на тот берег. Доплыли. Увидели, что никого нет. Где вас потом столько времени носило?

– В гостях у внучки Потылихи, – выдавил из себя Никифор.

Дядя на него вытаращился:

– У кого, у кого?

– У внучки Потылихи, – повторил он.

– Нет у нее никакой внучки, – вновь угрожающе сжал кулак дядя. – Еще раз совершь, пеняй на себя. Не терплю, когда мне свистят.

Тут уж Никифор исполнился праведным гневом:

– Никто тебе не свистит! А не веришь, спроси у Егора.

– Мы действительно были у нее дома, – спешно подтвердил тот.

Дядя, будто отказываясь верить услышанному, несколько раз легонько ткнул кулаком в свой бородатый подбородок.

– Да у Потылихи и детей отродясь не было, откуда ж тогда внучке взяться?

– Могла от племянницы, – выдвинул версию Никифор. – Факт тот, что Мара сейчас у нее живет. И ремонт там сделали.

– Ре-монт? – окончательно опешил дядя. – Такое мимо меня нипочем бы не прошло.

Кто ж там у нее поработал-то?

– Я не интересовался, – ответил Никифор.

– Чудеса-а, – был совершенно сбит с толку Федор Николаевич. – Как же я ничего не знал? Я весной Потылиху отвозил в больницу, так у нее никаких изменений в доме не наблюдалось. Полный хаос и запустение.

– А назад-то вы ее из больницы привозили? – сам не зная почему, заинтересовался Егор.

– И вправду нет, – спохватился дядя Федя. – Она меня почему-то не попросила. Может, и впрямь какие-то родственники объявились на горизонте.

– Мара говорит, что она и раньше сюда приезжала, – добавил еще одну деталь Егор.

– Впервые слышу, – пожал плечами Федор Николаевич. – Правда, Потылиха на отшибе живет. Только одни Косачевы были поблизости. Но у них теперь не спросишь, съехали и даже адреса не оставили. А вообще вы мне бросьте Потылихой зубы-то заговаривать, – вновь рассердился он. – Кто бы там ни жил, ваше дело было рыбу удить и оставаться на месте, чтобы меня и Марину не нервировать. Виноваты, так признавайтесь. Ладно. Марш домой. Картошку надо чистить.

Всю оставшуюся часть дня Никифор то и дело твердил о Маре. Можно было подумать, что он с ней прообщался не какой-нибудь час, а по меньшей мере месяц. Мара сказала... Мара по этому поводу думает... А Мара абсолютно уверена... Любой разговор он сводил обязательно к ней! Настоящее помешательство! К вечеру Егор уже сильно жалел о новом знакомстве. Светлый образ Мары грозил отравить весь их отдых. Мало было затяжных ливней. Нет, еще девчонка эта возникла и превратилась в навязчивую идею Никифора! Скорей бы уже лечь спать, тогда хоть влюбленный Коржик заткнется.

Увы, и ночь не принесла облегчения. То есть Коржик замолчал, и оба они почти моментально уснули, но Егора замучили кошмары. Ему снилось, что он бредет по тропинке к озеру. Само озеро скрыто от глаз, однако он точно знает, что держит путь именно туда. Внезапно, непонятно откуда, ему навстречу вышла пожилая женщина, точнее старуха. Серые космы выбивались из-под ее платка, лицо избородили глубокие морщины, нос изогнулся хищным крючком. Она тяжело опиралась на сучковатый посох.

– Это ты? – проскрипела она, поравнявшись с Егором. – Опять туда собрался. Никак не угомонишься. Отступись. Говорю тебе, отступись.

– О чем это вы? Я вообще вас не знаю, – искренне изумился он.

Из горла старухи вырвался хриплый басовитый хохоток.

– Вот оно значит как! В дом ко мне ходишь, а не знаешь.

В этот момент Егор вдруг отчетливо осознал, что перед ним Потылиха. Теперь-то ему стало ясно, отчего в деревне ее считают ведьмой.

– Но я только один раз у вас дома был, – начал оправдываться он.

Старуха то ли его не слышала, то ли не захотела услышать.

– Отступись! – орала она, грозно тряся у него перед носом клюкой.

Он попятился, лихорадочно соображая, чем мог перед ней провиниться и вызвать такую ярость.

Вдалеке на тропинке, за спиной старухи, показалась девичья фигура. «Мара, – осенило Егора. – Это из-за нее весь сыр-бор! Старуха неправильно все поняла!» Он принялся сбивчиво объяснять:

– Понимаете, я с вашей внучкой даже не дружу. Она вообще мне совсем не нравится. Совершенно ни на что не претендую! Это не я, а Никифор... Он в нее влюбился! Ему хочется с ней дружить!

– Отступись! – громче прежнего продолжала кричать старуха, тыча себе за спину.

Глянув снова туда, Егор обомлел. На тропинке стояла совсем не Мара, а Зоя – девочка из другого мира! Принцесса из другой Москвы! Ведьма решила забрать ее себе? Ну уж нет! Никогда! Он, Егор, от нее не отступится!

– Зоя, беги! Скорее беги! – прокричал он вдаль. – Старуху я задержу!

Девочка где стояла, там и осталась, недоуменно на него глядя. Егор, изловчившись, вырвал из рук старухи посох. Зоя, будто проснувшись, кинулась со всех ног прочь. Ведьма в немыслимом для ее возраста прыжке сбила Егора с ног и, как клещами, вцепилась в него своими костлявыми пальцами.

– Отступись. Отступись, – не переставая, хрипела она.

Ведьмин разверстый рот напоминал звериную пасть. Из ее глотки с клетотом вырывалось зловонное дыхание. Пальцы сомкнулись на горле мальчика. Собрав последние силы, он в отчаянном рывке попытался скинуть ее с себя. Это ему удалось. Ужасающий грохот потряс все вокруг...

– Граф, ты совсем офонарел? – возопил вдруг неизвестно откуда взявшийся Коржик.

Егор, мало чего соображая, уселся на кровати. Вокруг плавала крошечная тьма, в которой кто-то копошился и пыхтел.

– Что у вас тут происходит?

В комнате вспыхнул свет. На пороге стоял всклокоченный дядя Федя, а на полу ползал на четвереньках Никифор.

– С мальчиками все в порядке? – раздался снизу простуженный голос Марины Николаевны.

– Совершенно, – подтвердил Федор Николаевич. – Сын твой с кровати свалился.

– Я не свалился, – мигом заспорил Никифор и, вскочив на ноги, принялся объяснять. – Это Егор меня пихнул. Сперва он во сне так стонал, что я проснулся и испугался. Думал, у него приступ аппендицита или еще что-нибудь в этом роде. Трясу и спрашиваю: «Ты что?» А он мне как двинет с нечеловеческой силой! Я аж сюда отлетел. Вон даже шишка вскочила, – потер он затылок. – Искры из глаз посыпались.

– Ни минуты покоя, – пробормотал Федор Николаевич. – Даже ночью. Скоро с ума сойду. Как только сухо на улице станет, обоих во двор спать выселю.

На лестнице раздались шаги.

– Может, ему холодненькое к голове приложить? – прокашляла Марина Николаевна.

– Тебя-то куда несет! – Ее появление возмутило брата. – Всех разбудили! – смерил он осуждающим взглядом ребят.

– Да я все равно не спала. – Мама Никифора шмыгнула носом. – Кашель замучил. Дай-ка я твою голову посмотрю. – Она ощупала затылок сына. – И правда, шишка! Большая! Сильно ударился? Тебя не тошнит? Надо помазать.

– Не тошнит. Я в полном порядке. Пустяки, мама, – стоически проговорил он.

– Я не хотел. Случайно вышло, – встревоженно и виновато промямлил Егор, боясь, как бы Федор Николаевич не отправил его завтра домой.

– Да ладно, – уже остыл тот. – С кем не бывает. Ничего страшного ведь не случилось.

– Вот и я говорю, что ничего страшного, – вывернулся из-под материнской руки Никифор.

– Кому было сказано, марш вниз с матерью. Она тебе шишку помажет! – распорядился дядя. – А я пока у вас здесь проветрю. Духота. Дышать нечем. Накройся, Егор, одеялом. – И он распахнул окно.

– А из печки угарного газа не может быть? – охватила новая тревога маму Никифора.

– Марина! Я столько лет уже с этой печкой живу! Уж как-нибудь не угорим, – заверил Федор Николаевич.

Все покинули комнату. Егор остался один. За окном мокро шумели деревья. Редкие капли стучали по подоконнику. Где-то вдали тоскливо прокричала ночная птица.

Коржик, вернувшись, потушил свет. Егор уже начал проваливаться в сон, когда негромкий, но странный звук заставил его снова открыть глаза. Крик замер у него в горле. На подоконнике сидел человек.

Глава III

Силуэт четко выделялся на фоне уже чуть светлевшего неба. Длинные волосы колыхались под ветерком. «Мара!» – узнал мальчик. Откуда она могла появиться и как умудрилась залезть на второй этаж? Он пытался понять, куда она смотрит, но лицо ее скрывала завеса тьмы. Мара сидела, болтая ногами, а он лежал неподвижно, и ему почему-то совсем не хотелось объявлять ей о своем пробуждении.

Полуприкрыв веки, Егор наблюдал, как она поведет себя дальше. Девушка совершенно бесшумно спрыгнула с подоконника, столь же бесшумно, будто ноги ее не касались пола, прошлась по комнате и замерла возле кровати Никифора. Вот она наклонилась. У Егора по всему телу побежали мурашки. Однако девушка лишь поправила одеяло, которое Никифор сбросил во сне. Затем она повернулась к Егору. Он крепко зажмурил глаза. «Зачем ей понадобилось приходить сюда?» – настойчиво бился вопрос в его голове, и ответа не было. Ему по-прежнему оставалось лишь чутко прислушиваться в надежде определить по звукам, что теперь делает Мара. Уши улавливали лишь гулкую тишину, мерное посапыванье Никифора да капель за окном.

Чуть погодя Егор решил осторожно приоткрыть глаза и увидел прямо над собой черную разверзшуюся звериную пасть. Точь-в-точь как в недавнем сне. Волна зловония захлестнула его. Он взвыл от ужаса. Пасть клацнула у него перед носом.

– Хватит. Хватит. Все в порядке, – раздался голос Федора Николаевича. – Да что ж это с вами сегодня такое творится?

Егор открыл глаза. Над ним склонилось бородатое лицо дяди Коржика. Он помог мальчику выпутаться из пододеяльника.

– Опять, что ли, кошмар приснился? Ба, да ты весь горюшь!

– Федя, что там такое? – вновь раздалось на лестнице торопливые шаги Марины Николаевны.

– Пацан, кажется, заболел, – угрюмо откликнулся Федор Николаевич. – Видать, от тебя все-таки заразился.

– Я совершенно не болен!

Егор попытался вскочить на ноги, однако почувствовал такую слабость, что тут же откинулся обратно на подушку. Лоб его покрыла густая испарина. Марина Николаевна уже суетилась рядом.

– Сейчас градусник принесу, температуру тебе померяем. И что же наш отдых так не задался? Прямо как сглазил кто!

– Мама, это предрассудки, – сонно проворчал из своей кровати Никифор.

– Марин, надо бы твоего предрассудка ко мне в комнату изолировать, чтобы тоже не заразился, – посоветовал дядя Федя.

– Абсолютно с тобой согласна, – уже стряхивала градусник Марина Николаевна. – Ну-ка, Никуша, перетаскивай постель.

– Куда-а? – заныл тот. – Мне спать хочется. А если Граф болен, то я от него давно уже заразился.

– Прекрати спорить с матерью, она права, – пресек дальнейшие пререкания его дядя и взялся за металлическую спинку кровати. – Я ее к себе перекачу, а ты белье тащи.

– А зачем его снимать. Лучше давай все разом и перекатим, – решил по-своему Коржик.

– О-о-о, да у него тридцать девять, – тяжело вздохнула Марина Николаевна. – Точно грипп. Завтра останешься на весь день в постели.

Егору уже было так плохо, что он даже не спорил. Хотелось одного: закрыть глаза и провалиться в небытие. Главное, больше не видеть сны. Он их, к счастью, и не увидел. А про-

будившись наутро, почувствовал себя совершенно здоровым. Ни температуры, ни слабости, будто болезнь ему тоже приснилась. Правда, ни Коржика, ни его кровати в комнате не было. Выходит, не сон.

Дом был объят тишиной. Егор босиком выбрался из своей комнаты и с осторожностью заглянул в комнату Федора Николаевича. Две аккуратно заправленные кровати, и никого. Он уже собирался выйти, когда уловил свое отражение в зеркале на дверце шкафа и потрясенный замер. По всей его шее шли темные синяки, словно кто-то пытался его задушить. Подойдя вплотную к зеркалу, он ощупал кожу на шее. Больно. Но ведь ведьма душила его во сне. Или Коржик так постарался? Не может быть! Но что делать? Марина Николаевна ни в коем случае не должна заметить этот ужас на его шее, иначе наверняка решит, будто он болен чем-то неизвестным и опасным.

Стремительно возвратившись к себе в комнату, Егор натянул свитер с высоким горлом и, сбегав к дяди-Фединому зеркалу, проверил. Действительно, ничего не заметно. Пусть Марина Николаевна лучше считает, что у него действительно грипп и его знобит. Тогда свитер не вызовет у нее подозрений.

Вскоре внизу раздались голоса. Егор спешно юркнул обратно в постель, и вовремя. В дверь заглянули Федор Николаевич и Марина Николаевна.

– Он проснулся, – радостно объявил дядя Федя.

– Как ты себя чувствуешь? – склонилась над Егором мама Никифора.

– Да температуры вроде нет, – нарочито слабым голосом отозвался тот. – Вот только знобит.

– Раз знобит, значит, температура, – уверенно констатировала Марина Николаевна. – Давай-ка померяем. А Федя пока тебе принесет завтрак. Молодец, что оделся, это совершенно правильно, – одобрила она, заметив на мальчике свитер.

К ее удивлению, градусник показал нормальную температуру. Она пожала плечами:

– Странно. Но ты все равно сегодня полежи. Может, еще поднимется. Не зря же озноб. А пока поешь. Вот тебе яичница, чай с медом...

– Да я и вниз могу спуститься, – медлил Егор принимать поднос из рук дяди Феде.

– Вот если к обеду температура не поднимется, сможешь спуститься, а пока лежи, – напутствовала его Марина Николаевна.

Они с дядей Федей ушли. Егор кое-как расправился с завтраком. Есть в постели оказалось не слишком удобно. Поставив поднос на пол, он снова растянулся на кровати. Лежать уже наскучило. Тем более, на улице первый день без дождя, и временами даже проглядывает солнышко. Хотелось гулять. Но едва скажешься здоровым, придется снять свитер. Не расхаживать же в нем по такой теплыни. А без него черные кровоподтеки на шее обязательно привлекут всеобщее внимание. Надо их срочно убрать.

Егор знал кое-какие рецепты из того мира. Кудесник Христофор Павлович, у которого они с Зоей провели некоторое время, научил их составлению некоторых простых снадобий: от ушибов, от мелких ранок, от синяков. Правда, тот мир от этого значительно отличается, но, вероятно, здесь тоже можно найти составляющие.

Для примочки против синяков требовались в основном растения. Вопрос, действует ли она так же эффективно в этом мире, как в том? Кроме того, чтобы собрать необходимое, надо исхитриться незаметно выйти на улицу.

В дверь просунулась голоса Никифора.

– Привет, – заговорщицки прошептал он. – Меня к тебе сегодня все равно не пускают. Вот я, Граф, и подумал... – Он замялся и покраснел. – Пожалуй, я к Маре скатаюсь. Она ведь не знает, что ты заболел. Обидится, если мы не приедем, мы ж обещали. А ты по-любому лежишь. Так что я уж тогда один. Лады? Я у дядьки ключ от лодки свистнул. Надеюсь, он не заметит.

– Ты-то один с лодкой справишься? – заволновался Егор.

– Не бойсь. Осилю. Мне не впервой, – заверил друг. – Только, чур, никому. Ты ничего не знаешь, а я ничего тебе не говорил.

«Может, оно и к лучшему, – пронеслось в голосе у Егора. – Пока Коржик к Маре и обратно мотается, успею себе примочку сварганить».

– Ну, Граф, я пошел? – уже не терпелось Никифору.

– Иди, – махнул рукой он и, повернувшись на бок, прикинулся, будто засыпает.

Несколько минут спустя за окном послышался рев мотора. Егор выглянул на улицу. Федор Николаевич унесся куда-то на своей «Ниве». Никифор, крадучись и оглядываясь, шествовал к озеру.

Егор, взяв поднос, спустился вниз. В общей комнате никого не было.

– Марина Николаевна, я принес поднос и пустую посуду, – крикнул мальчик.

– Ой, зря ты. Я бы потом забрала. Только не мой, нечего тебе больному в воде валандаться. Сама сделаю, только еще чуть-чуть полежу. Что-то нехорошо, слабость ужасная.

– Вот и поспите, – посоветовал Егор. – И я тоже пойду вздремну.

– Правильно, – ответила мама Никифора. – Сон – лучшее лекарство.

Естественно, подниматься к себе он не собирался, а тихонько выскользнув на улицу и прокравшись под окном Марины Николаевны, побежал к озеру. Там росло много разных трав, и среди них – нужные ему.

Никифор и впрямь вполне управлялся с лодкой. Когда Егор вышел на берег, друг его уже яростно греб на середине озера. Впрочем, Егора больше заботило то, что росло у него под ногами. Вот подорожник, вот чистотел, вот неприметная травка с белыми цветочками. Христофор Павлович ее как-то называл, но Егору запомнился лишь внешний вид. Плакучая ива тоже в наличии. Мальчик сорвал с дерева несколько листков. А вот серая галька. Лучше всего – серая в белых разводах. То, что требуется. Не берег озера, а настоящая аптека! Теперь остается пучок молодой крапивы, и можно бежать обратно.

Вооруженный набором ингредиентов, он осторожно пробрался в кухонный уголок. Требовалось все мелко нарезать и залить крутым кипятком. С первой частью задачи он справился, не потревожив спящую Марину Николаевну, но грохот чайника на плите привлек ее внимание:

– Егор, это ты?

– Я, тетя Марина! Чайку горячего захотелось! Вам тоже сделать?

– Нет, спасибо. Ничего не хочу. А тебе горячее сейчас очень полезно.

Она затихла. Егор ссыпал нарубленные травы в глубокую миску, добавил туда же гальку, залил кипятком и тщательно перемешал. Залез в шкафчик с аптечкой, где отыскал вату и бинт, и, аккуратно подхватив парящую миску, поспешил к себе наверх.

Пристроив варево остывать на подоконнике распахнутого окна, он вернулся на кухню и в поисках чего-нибудь медного изучил содержимое ящичков. Медное обнаружилось среди инструментов – моток проволоки. Егор откусил пассатижами небольшой кусочек. Для его цели вполне достаточно.

Вернувшись наверх, мальчик кинул медь в миску. Настойка зашипела. Егор удовлетворенно хмыкнул. Процесс пошел. Когда она окончательно остынет, можно делать компресс.

Наконец жидкость достигла нужной температуры. Егор пропитал ею вату, наматал ее на горло, обернул сверху целлофановым пакетом и забинтовал. Вышло не очень ловко, но, пожалуй, сойдет. Он выплеснул остатки снадобья в окно, миску спрятал в шкаф, а сам, натянув повыше горловину свитера, улегся обратно в кровать. Теперь главное, чтобы подействовало.

Несколько часов спустя приехал Федор Николаевич. Никифора по-прежнему не было. Егор встревожился. Если Коржика засекут, их долго потом никуда не отпустят. Совсем обидно будет. Он, Егор, выздоровеет, а все равно под домашним арестом сиди.

На кухне загрохотала посуда. Федор Николаевич совместно с проснувшейся Мариной Николаевной готовили обед, обсуждая, жарить молодую картошку или варить, или лучше не

возиться и просто сварить макароны. «Вот-вот доготовят и позовут обедать, – думал Егор. – Хоть бы Коржик успел!»

Но его все не было и не было.

– Мальчики! За стол! – раздался призыв Марины Николаевны.

«Они считают, он дома!» – Егора уже охватывала паника. Он постарался как можно медленнее спуститься с лестницы.

– А где Никуша? – удивленно поглядела на него Марина Николаевна.

– Не знаю, – вынужден был ответить Егор.

– Разве в Фединой комнате его нет?

– Я здесь! – раздалось радостно из сеней. – Нагулялся! Так жрать хочу!

У Егора отлегло от сердца. Угроза домашнего ареста миновала, Коржик вошел сияющий. Глаза у него лихорадочно блестели. Он казался сейчас стройнее обычного и выше ростом.

– Ты где был? – пылливо уставился на него дядя.

– Обследовал окрестности. Маршруты надо было наметить нам с Егором на будущее, – нагло соврал Никифор. – Кстати, Федя, мой дорогой дядя, ты запасную камеру и второй велик добыл?

– Никуша, не смей разговаривать таким тоном со старшими! – осадила его Марина Николаевна.

– Нормально я разговариваю, по-семейному, – ничуть не смутился сын. – Он же сам обещал.

– Обещано – сделано, – потрепал его по затылку Федор Николаевич. – Одолжил у одного в Большой Гореловке. Но только на десять дней. Потом на отдых его родня пожалует, и велосипед придется вернуть.

– Поаккуратнее обращайтесь, мальчики, – вмешалась Марина Николаевна. – Так неудобно будет, если чужую вещь сломаете.

– Ур-ра! – ликовал Никифор. – Мы, Граф, теперь с тобой на колесах! Отряд повышенной мобильности! – И, улучив момент, прошептал ему на ухо: «К Маре теперь хоть два раза на дню можем ездить!»

«Тоже мне счастье, – подумал Егор. – Два раза на дню к Маре! Мечта поэта!»

Никифор не умолкал:

– Короче, ты, Граф, быстрее давай выздоравливай. Нас с тобой, так сказать, ждут большие дела!

– Никифор, угомонись! – нахмурилась Марина Николаевна. – И чтобы мне, пожалуйста, без эксцессов. Я ведь не только за тебя отвечаю, но и за Егора перед его мамой.

– Есть, мамочка! Слушаюсь, мамочка! – Коржик вскочил, вытянулся во фронт и отдал ей честь.

– Хватит паясничать! – устало отмахнулась она.

Выглядела она неважно. Егор, наоборот, чувствовал себя совершенно в норме, однако, чтобы не привлекать внимания, после обеда снова улегся в постель. Впрочем, еще раз убедившись, что температура у него нормальная и он не кашляет и не сморкается, Марина Николаевна разрешила Никифору переехать обратно.

Егор сначала обрадовался, вдвоем как-никак веселее, чем одному, но радость вскоре сменилась досадой, ибо ему пришлось три раза подряд выслушать в мельчайших подробностях, как Коржик провел время с Марой. Главное, было бы хоть что-нибудь интересное. Сидели у нее дома, пили все тот же чай да трепались неизвестно о чем. Трепался, как сильно подозревал Егор, только Коржик. Во всяком случае, никаких новых сведений о Маре не поступило. А то, что она классная, замечательная и все понимает, Егор уже много раз слышал. Словесный поток, тем не менее, так и пер из Никифора. Если друг на мгновение и затыкался, то через несколько минут заводил свое:

– А вот Мара...

Спасенья не было от нее Егору. Да и ночной кошмар как-никак с ней связан. И эти следы на шее, от которых надо теперь поскорее избавиться. Он под любым предлогом подходил к зеркалу. Синяки на шее определенно меняли цвет. Примочка действовала. Из иссиня-черных они уже сделались желтыми. Глядишь, к утру совершенно пройдут, и тогда он, Егор, вольной птицей вылетит наконец на свободу. И велосипеды у них теперь появились.

Вечером Никифор и дядя Федя привели в порядок колеса. Новая камера отлично держала воздух. Велик, взятый взаймы, вообще не нуждался в ремонте. Никифор предвкушал грядущий день. Он опять увидится с Марой!

Эта прекрасная дама уже у Егора в печенках сидела, хотя и он был не прочь к ней навеяться. Верней, в ее дом, а еще точнее – к бабушке. Похожа ли реальная Потылиха на ведьму из его сна? Или привидевшийся ему ночью кошмар – это грозное предупреждение о чем-то совсем другом? Кабы не синяки – плюнуть бы и забыть. Мало ли он дурных снов в своей жизни видел! Но вот синяки ведь в наличии, хотя к вечеру и почти перестали бросаться в глаза, превратившись в слабые желтые разводы.

Егор, перестраховавшись, так и улегся спать в свитере. Было ему беспокойно. Вдруг кошмары продолжатся? Но нет. Ни единого за ночь. Ни Мары, ни Потылихи, ни Зои, ни Белки, ни того мира, ни этого. Может, примочка кудесника помогла?

Утром он первым делом кинулся к зеркалу. Синяки совершенно прошли! Наконец можно снять опостылевший свитер! Зажарился в нем Егор ужасно. За окном хоть небо и затягивали высокие облака, стояла теплынь.

– Дождя сегодня не будет, – уверенно объявил за завтраком дядя Федя.

– Факт, не будет. – Никифор ерзал от нетерпения, утрамбовывая в рот огромный ломоть хлеба, намазанный маслом и медом.

– Ешь медленнее, иначе подавишься, – одернула его мама.

Она по-прежнему чувствовала себя плохо и поражалась, как это Егор смог столь быстро оклематься. «Наверное, у нас с тобой были разные заболевания», – в результате заключила она.

– Ну, Граф, готов сегодня к подвигам? – продолжал вещать с набитым ртом Коржик. – Ща оседлаем наших коней и...

Марина Николаевна немедленно возразила:

– Никаких «коней»! Такая нагрузка сразу после высокой температуры Егору не рекомендуется. Надо пощадить сердце.

– Ма! – взвился сын. – Мы ж не в соревнованиях собираемся участвовать. Будем кататься в свое удовольствие. Устанет – остановимся. А дома мы уже насиделись. Или, считаешь, нам все каникулы нужно провести у печки?

– Марина, он прав, – принял сторону племянника Федор Николаевич. – Денек нынче погожий, а дальше кто знает, какая будет погода. Пускай ребята педали покрутят, а то совсем в стойле застоялись. Смотри, как племянничек мой копытом бьет. И Егору полезно кровь разогнать. Наш воздух только лечит.

– Будь по-вашему, – с неохотой сдалась Марина Николаевна. – Только, Егор, пожалуйста, не перенапрягайся. Помни про свои глаза. Я за тебя отвечаю перед твоей мамой.

– Буду помнить, тетя Марина, – покорно согласился он. Лучше было не спорить. Главное, выпускают из дома.

– И к обеду чтоб не опаздывали, – приказал дядя.

– Конечно! Не опоздаем, – вскочил на ноги Никифор.

Оседлав «железных коней», они отъехали всего двести метров от дома, когда он принялся командовать:

– Что ты, Граф, тащишься как черепаха! Давай, работай! Жми на педали. Чем быстрее доедем, тем больше времени на общение.

– Да и так изо всех сил жму, – пропыхтел Егор. Велосипед ему достался с таким тугим ходом, что колеса еле вертелись.

– Действительно после болезни ослаб? – стал подначивать друг.

Егор разозлился:

– Если у тебя сил чересчур много, предлагаю великами махнуть.

– Да какая мне разница? Без проблем. Бери мой, – легко уступил Никифор. – Только если быстро ездить не умеешь, это тебе не поможет.

Ход у дяди-Фединого велосипеда оказался не в пример легче. Егор птицей рванул вперед, оставив далеко позади себя немедленно запыхавшегося друга.

– Стой, Граф, погоди! – заныл он. – Ты все равно дороги не знаешь! Не туда сворачиваешь.

Егор, сжалившись над ним, затормозил. Круглая физиономия Коржика блестела от пота.

– Идиотский велик! Перебирать его надо, тут неправильная пропорция шестерен.

– Не знаю уж, что там неправильно, но быстро на нем не поедешь, – подтвердил Егор.

– Разберемся, – заверил Коржиков. – Пусть дядя Федя потом помозгует. А пока будем ездить на нем по очереди.

Путь они продолжали медленно.

– Лучше бы поплыли сегодня опять на лодке, – то и дело неслись в спину Егора причитания друга. – Скорее бы добрались.

– А по-моему, примерно то же самое, – возразил он. – Вон уже, кажется, дом Косачевых. Но, если хочешь, в следующий раз поплывем. Я лично не возражаю. По-любому трудиться придется. Тут ногами, там руками...

– На лодке легче, – отдувался Никифор. – У меня уже скоро на ногах бицепсы вырастут. Хотя это действительно дом Косачевых. Считаю, почти приехали.

От радости он даже прибавил скорость, и они на всех парах пронеслись мимо заброшенного хутора.

Вскоре оба затормозили перед Мариной калиткой.

– Заходи, – с хозяйским видом распахнул ее Никифор.

Мальчики закатали велосипеды на пустой двор. Никаких признаков жизни. Ни кошки, ни собаки, ни птиц почему-то не слышно. Даже воздух словно застывший. Егор поглубже вдохнул. Видимо, он таки переоценил свои силы, руки и ноги подрагивали от слабости.

А Коржику хоть бы хны. Бросив велосипед на землю, он прыжком одолел ступени крыльца и, дергая на себя дверь, исторг радостный вопль:

– Мара! Мы приехали!

«Вот сейчас ее бабка выйдет и вломит ему, – напрягся Егор. – Какой хозяйке по кайфу, когда в ее доме чужие командуют».

Но из дома послышался голос Мары:

– Заходите, мальчишки! Молодцы, что приехали!

Влюбленный Коржик рванул вперед. Егор следом за ним шагнул в комнату. Мара сидела одна, и то, чем она занималась, изрядно мальчиков удивило. Сидя возле древней деревянной прялки, девушка скручивала шерсть в тонкую нить.

– Офигеть! – восхитился Коржик. – Ты и это умеешь?

– Осваиваю древние ремесла, – усмехнулась она. – Между прочим, очень модно. Прошлым летом я увлекалась гончарным делом. Такие горшки классные у меня выходили...

– Прямо здесь? – поинтересовался Егор.

– Нет, в другом месте, – ответила девушка, однако где, уточнять не стала, а продолжила: – Теперь вот обучилась прясть. Жутко увлекательно. Похоже на медитацию. Наберется достаточно шерсти, носки себе свяжу на зиму.

– Значит, вязать тоже умеешь! – пришел в еще больший восторг Коржик.

– Давно, – покивала она. – Еще четыре года назад научилась.

– Это бабушка тебя учит? – задал новый вопрос Егор.

– Конечно, – широко распахнула глаза девушка.

– А она здесь? – медленно подбирался к цели Егор.

Мара нахмурилась:

– Уехала сегодня к родственникам.

«Занятно, – отметил он про себя, – не успела приехать, и снова уехала. Или она с тех пор вообще не появлялась?» Ему почему-то стало тревожно.

Мара тем временем, смотав пряжу, задвинула древнюю, потемневшую от времени прялку в угол.

– Какие у нас сегодня планы?

Никифор замаялся. Видимо, он полагал, что планы предложит им Мара.

– Ну-у. Пошли погуляем.

Девушка с сомнением поглядела в окно, пожевала нижнюю губу и без особого воодушевления отозвалась:

– В общем, наверное, можно.

Никифор, по-своему расценив ее колебания, выпалил:

– Да ты не волнуйся, дождя сегодня не намечается. Это дядя сказал, а он у меня лучше барометра, погоду как-то там по животным и растениям определяет.

– Меня скорее не дождик, а солнце волнует. Не люблю его. Легко обгораю, и глаза начинают болеть.

Это объясняло, почему Мара была такой белокожей. И еще Егор обратил внимание: губы у нее по-прежнему очень бледные, хотя в комнате тепло.

– Ладно, мальчики, вы посидите, а я сейчас быстро переоденусь.

Мара скрылась во второй комнате, а когда несколько минут спустя вышла, то была уже не в легоньком сарафанчике, а в джинсах, майке и рубашке с длинными рукавами. Лицо наполовину скрывали объемные темные очки, а на голову она надела широкополую панаму. Губы у нее теперь алели, но, приглядевшись, Егор понял, что это помада.

– Мара, а не зажаришься? – проявил заботу Никифор. – На улице-то теплынь.

– В самый раз, – отрезала она.

– Мара любит холод, – напомнил другу Егор. – Вот когда зуб на зуб не попадает, можно и в маечке походить.

Никифор смерил его осуждающим взглядом. О Мариной же реакции оставалось только гадать, ибо глаза ее были полностью скрыты стеклами темных очков.

– Ты прав, Егор, в дождь мне комфортнее, – только и сказала она, и голос ее прозвучал спокойно и ровно.

Они бродили почти до обеда. Коржик не умолкал. Мара, засунув руки в карманы и сутулившись так, что поля панамы почти скрывали ее лицо, молча шла рядом. За все время она и десятка слов не сказала. Егор уныло плелся за ними, подыхая от скуки. Все истории Коржика он уже слышал множество раз, разве что теперь тот приукрашивал их множеством неожиданных деталей, которые выставляли его в весьма выгодном и порой героическом свете.

Егор едва сдерживался. Никифор уже навешал лапши на каждый квадратный сантиметр Мариных ушей, места живого там не осталось, а он все нес и нес совершеннейшую пургу. И бизнес вовсю проворачивает: на каждую тысячу у него нарастает десять (истине здесь соответствовало лишь то, что Сашка Пивоваров из десятого «Б» выманил у него тысячу рублей, которую Коржик потом больше никогда не видел). И в школьной сборной по баскетболу он, Коржиков, первый (на самом деле его туда не приняли). И машину он классно водит (свистнув однажды у отца ключи, он и впрямь попытался изобразить из себя Шумахера, однако, не успев тронуться с места, врезался в припаркованный рядом джип). И так далее, и тому подобное

в приблизительно том же духе. Будь они вдвоем, Егор бы давно уже заткнул его, но не опускать же лучшего друга в глазах девчонки. И он был вынужден слушать его бахвальство. Тоска зеленая!

От скуки он постоянно поглядывал на часы и, когда начало приближаться время обеда, поторопился объявить:

– Ник, нам уже пора.

В едва заметной полуулыбке Мары угадывалась благодарность. Похоже, и ей наскучила болтовня Коржика. По пути домой настроение у Егора значительно поднялось, хотя он и ехал на трудном велосипеде. Зато сумрачная тоска, томившая его на протяжении всей прогулки, ушла из души.

После обеда Никифор намылился вновь ехать к Маре. Егору и утренней их поездки на ту сторону озера было достаточно. К тому же небо затягивали свинцовые тучи. Вот-вот хлынет. С какой радости мокнуть? Из-за девчонки, до которой ему нет решительно никакого дела? С ней даже неинтересно.

– Ник, может, ты лучше один? – кинул он пробный шар. – А то я как-то еще не совсем в форме.

Друг неприкрыто обрадовался:

– Естественно, Граф, отдыхай, набирайся сил. А я легкий велосипед возьму.

– Бери, конечно, – легко уступил Егор. – Я сегодня все равно больше кататься не хочу.

– Ну и правильно.

Никифор вскочил в седло и унесся. «Ромео Коржиков», – хихикнул ему вслед Егор. Некоторое время он наслаждался одиночеством, а главное, отсутствием пылких дифирамбов Маре, потом Марина Николаевна попросила помочь ей с приготовлением ужина. Не очень увлекательное занятие, но что поделаешь.

Кроша зелень в салат, Егор невольно вспомнил об их с Зоей житье в доме кудесника Христофора Павловича. Тот загрузил их хозяйством по полной программе. Но тогда Егор совсем не скучал, рядом ведь была Зоя – принцесса из иной Москвы. Девчонка, с которой скучать невозможно. С ней все и всегда интересно, не говоря уж о том, что, едва они оказывались вместе, как попадали в эпицентр головокружительных событий.

Да если даже в том мире наступят полные тишь да гладь, им с Зоей вдвоем не станет менее интересно. А когда рядом еще и Белка – умная, ехидная, хитрая... Суждено ли им еще свидеться? Как бы ему хотелось! У него вырвался тяжелый вздох.

– Устал? – мигом встревожилась Марина Николаевна. – Ну-ка лучше пойди, полежи. Я сама остальное доделаю.

– Что вы! – Вот уж лежать совсем не хотелось. – Я просто так.

– Ловко у тебя получается! – пригляделась, как он режет овощи для салата, Марина Николаевна. – Маме привык помогать?

– Отчасти, – промямлил он.

Коржика теперь замучают его «положительным примером»! Но не признаешься же его маме, что обучился готовить в доме кудесника из другого мира, а мама на кухню его только поест зовет.

Никифор вернулся неожиданно быстро и выглядел мрачнее затянутого тучами неба.

– Умница, что вовремя! – похвалила Марина Николаевна. – Хорошо покатался?

– Плохо, – трагически тоном констатировал сын и, свирепо топоча по ступенькам, поднялся вверх.

– Какая муха его укусила? – озадачилась Марина Николаевна. – Вроде бы и погода хорошая, без дождя. Ладно, Егор, иди к нему, разберись там. Ты же уже почти все доделал.

Коржик умирал от страданий на собственной кровати, попирая в тоске заляпанной глиной кроссовками ни в чем не повинное чистое покрывало.

– По какому поводу печаль? – едва не хихикнул Егор. – Проблемы на личном фронте? Девушка отшила?

– Сними шифер с башки, чтобы крыша не ехала! – выверился на него Никифор. – самого тебя отшили! Мары дома не оказалось, – последнюю фразу он произнес столь трагическим тоном, будто с предметом его воздыханий действительно произошло что-то страшное.

– Вот уж фигня вопрос, – пожал плечами Егор. – Считаешь, она должна постоянно дома сидеть и тебя дожидаться? Тем более ты ее даже не предупредил, что после обеда опять собираешься.

– Нет, я ей говорил, – заспорил Никифор.

– А я утверждаю, что нет, – был совершенно уверен Егор. – Вот она и ушла куда-нибудь по делам.

– Какие еще дела! – врезал ногой по кровати Коржик. – Она здесь, кроме нас, никого не знает.

– В магазин, например, пойти...

– Она в него не ходит, ей не нужно, – перебил Никифор. – У них дома запасов на год вперед.

«Он и это уже проверил», – Егора подивила такая осведомленность, и он поинтересовался:

– Ник, а ты у них во второй комнате, случайно, не был?

– Чего я там забыл? – огрызнулся тот.

– Да просто любопытно...

– А мне нет.

Олицетворив конвульсивным дрыганьем ноги свое полное разочарование в этом жестком мире, где, как оказалось, нет места большой и чистой любви, он демонстративно отвернулся к стенке.

– Да брось ты. Завтра опять к ней поедем. Наверняка она будет дома, – пытался ободрить его Егор.

– Может, да, а может, и нет, – драматически изрек Никифор. – Мне вообще теперь наплевать.

– Что-то не замечаю, – вырвалось у Егора.

– А ты вообще, Граф, такой... Тебе все до лампочки! Даром, что прозрел, а ничего, кроме себя, не замечаешь!

Егор поперхнулся. Круто ж Мара забрала его друга! Умом он отчетливо понимал: Никифор злится совершенно не на него, но слышать злобные выпады в свой адрес все равно было обидно.

– Пойду-ка лучше пройдуся.

Никифор даже не удосужился повернуть голову. Егор, пожав плечами, спустился вниз. В кухне-гостиной было пусто. По-видимому, Марина Николаевна, справившись с приготовлением ужина, пошла к себе отдохнуть. Егор вышел на улицу. В какую сторону лучше направить стопы? Прогуляться по деревне? Неохота. Каждый встречный станет тарашиться, как на дикого зверя в зоопарке. Бабки зашепчутся за спиной: видели, дескать, москвич прошел? У Федора живет. Лучше уж двинуть к озеру, там, по крайней мере, пусто.

Лодка Федора Николаевича лежала на песке, запертая на цепь. Уровень воды со вчерашнего дня заметно понизился. Земля успела просохнуть. Егор пожалел, что не догадался захватить удочку, посидел бы сейчас и порыбачил, хоть какое-то занятие. А возможно, и рыба сегодня клюет.

Он кинул взгляд на противоположный берег. Там из-за крон деревьев поднималась вверх струя дыма. «Или Мара, или ее бабушка вернулись, – сделал вывод мальчик. – Коржику, что ли, пойти сказать? Пусть снова съездит и успокоится. Хотя если там только Потылиха, наоборот,

еще больше расстроится. Может, лучше самому съездить?» Ему хотелось взглянуть на Потылиху, пока она снова не отбыла к каким-нибудь родственникам. Тем более делать было все равно нечего. Коржик еще не скоро придет в себя, до утра прозлится, пока опять Мару свою не увидит.

Возвратясь к дому, Егор осторожно вывел легкий велосипед из сарая и устремился в сторону дома Потылихи, рассчитывая, что до ужина запросто обернется туда и обратно. Путь лежал сквозь густой перелесок. Мальчик внимательно следил за дорогой, боясь пропустить нужный поворот. Тропинка огибала озеро с большим охватом, к тому же все время раздваивалась. Ему удалось ни разу не ошибиться. Вот уже впереди мелькнула крыша Косачевых. Затем показался и дом Потылихи.

Здесь Егора ожидало разочарование. Ни намек на дым над трубой. И полная тишина. Дом казался безлюдным, да и выглядел он сейчас совсем не столь чистеньким и ухоженным, как вчера и сегодня утром. Будто с момента последнего их приезда сюда прошло не полдня, а года три, а то и пять. Фундамент просел, забор покосился, крыльцо почернело, с резных оконных наличников облупилась краска. Егор потряс головой. Наверное, он просто раньше этого не замечал. В первый-то раз дом блестел под дождем, а сегодня утром тоже еще до конца не высох, вот и казалось, что краска свежая и блестит. Гораздо больше настораживала тишина. Птиц, правда, и прежде на участке Потылихи не было слышно, но теперь не жужжали и насекомые, и даже ветер не шелестел в ветвях. Егор нерешительно потоптался на месте. Зайти в калитку или не стоит? С другой стороны, если просто вернуться, зачем он вообще сюда ехал?

Калитка от его толчка противно скрипнула. Звук, вопреки законам акустики, в тишине не разнесся, а, словно ударившись о нее, затух. От этой странности у Егора мурашки пошли по телу. Да и калитка вроде бы утром открылась совершенно бесшумно. Хотя Коржик ведь тарактел, как перфоратор, заглушая остальные звуки.

Во дворе Егор опустил велосипед на траву и направился к дому. Заглянуть сперва в окошко или сразу постучаться в дверь? Приличней, конечно, последнее. Мара ведь может заметить, как он в окно смотрит. А если там не она, а ее бабушка, получится еще хуже. Примет его за жулика, потом оправдывайся и доказывай...

Егор громко постучал. Никакого ответа. Он повторил попытку. Результат тот же. Подергал за ручку. Заперто. Выходит, и впрямь никого. Егор повернулся и ахнул. Дым, замеченный им с того берега, ему не почудился, только вот поднимался он не от Мары, а из трубы дома Косачевых.

Вывод напрашивался один: туда кто-то проник. Бродяги, наверное, заселились. Или у Косачевых купили хутор, и новые хозяева теперь туда переезжают? Надо пойти посмотреть. Если бродяги, потребуется вмешательство Федора Николаевича. Хотя, если Потылиха и впрямь ведьма, им и без дяди Феде не поздоровится. Пожалеют, что вообще сюда сунулись.

Егор подрулил к косачевским воротам. Людей не видать, машин – тоже. Заросли крапивы не тронуты. А не примяв их, не доберешься до дома. Дым тем не менее продолжал идти из трубы, свидетельствуя, что внутри кто-то есть.

Егор с трудом перелез через запертую калитку и, подобрав с земли палку, стал пробираться сквозь заросли. Как ни старательно он сокрушал хищные крапивные стебли, все равно обстрекался. И к моменту, когда достиг стены дома, руки зудели. Заглянуть в окна оказалось нереально, они были плотно забиты досками. Сквозь узкие щели вряд ли увидишь, что делается внутри. Вновь объявив войну зарослям, Егор стал пробиваться к крыльцу.

Увиденное заставило его замереть. На крыльце, спиной к нему, стоял человек. Скорее всего, пожилая женщина. Невысокая, коренастая, в бесформенном ватнике, голова плотно обмотана платком. «Потылиха! – вроде бы догадался Егор. – Окликнуть ее? Но что я скажу?»

Женщина, будто почувствовав его взгляд, обернулась. У Егора пропал дар речи. Из-под низко повязанного серого платка на него глядело лицо Мары.

– Ой, это ты? Напугал-то как! – глухо проговорила она.

– Ты меня тоже, – признался он. – Понимаешь, я дым увидел и решил, что сюда залезли.

Подхожу – человек наружу выходит. Я же сперва не понял, что это ты.

– А я вообще здесь никого не ожидала увидеть, – девушка рассмеялась и провела рукой по щеке, на которой остались черные полосы.

– Ты испачкалась.

– Да? – Мара снова потеряла щеку, отчего на ней появилась еще одна черная полоса.

– А что ты вообще здесь делала? – любопытствовал мальчик.

– Да мусор решила сжечь. Накопилось. А у Косачевых печь больше нашей, удобнее. За один раз все запихнула. И в нашем доме не пахнет. Здесь-то без разницы, нюхать некому. Да я уже, в общем, справилась. Скоро прогорит. Можно даже не следить. Пошли ко мне.

– Лучше мы завтра к тебе придем вместе с Никифором, – покачал головой Егор. – А то у нас скоро ужин, неудобно опаздывать, я же здесь как-никак в гостях.

– Понятно, – хмыкнула Мара.

– Я просто катался и мимо проезжал, – зачем-то начал оправдываться он. – А теперь уже пора обратно.

– Как хочешь. Тогда пока, – не стала настаивать на приглашении она.

– А ты до сих пор одна, или бабушка вернулась? – напоследок поинтересовался Егор.

Мара расхохоталась:

– Тебя это очень волнует?

– Ну-у, – замялся он. – Неужели одной не страшно? Тем более в заброшенном доме.

– Нисколечки, – весело откликнулась она.

– Ну, тогда я поехал.

– Большой привет от меня Никифору.

– Обязательно передам, – пообещал Егор. – До завтра.

Вроде бы все разъяснилось. Никаких бродяг. И за Мару можно не беспокоиться. Но ему почему-то стало еще тревожнее.

Глава IV

Егор возвратился к самому ужину. Коржик уже мрачно восседал за столом, агрессивно елозя вилкой по скатерти.

– Ездил покататься? – спросила Егора Марина Николаевна, заходя следом за ним в дом. В руках она держала пучок свежесорванного укропа. – Сейчас вымою, порублю, и можно садиться. Ты руки пока помой.

Услышав, что друг ездил кататься, Никифор прервал манипуляции с вилкой и вперил в него испытующий взгляд. Егор поспешил ободрить страдальца:

– Привет тебе от Мары. Она завтра нас ждет с нетерпением.

Эффект его реплика возымела прямо противоположный задуманному. Коржика перекосило от ярости. Он пробурчал себе что-то под нос и, резко встав, устремился к двери, возле которой, двинув Егора плечом, грозно бросил:

– Пойдем-ка выйдем.

– Мальчики, – понеслось им вслед, – у меня уже все готово! Да что же это творится? Куда вы разбегаетесь?

– Мам, мы только на минуточку.

И Коржик решительно выпихнул друга на улицу. Там он схватил его за плечи и, резко развернув, шваркнул спиной о стену дома.

– К ней ездил? – Голос Никифор не повышал, чтобы взрослые не услышали, и ярость, его охватившая, воплощалась в хриплом надсадном шипении.

– Да совершенно не к ней, – начал оправдываться Егор и, чуть покривив душой, выдал другу полуправду: – Мне стало скучно, решил покататься, вдруг вижу: дым. Показалось, что Мара вернулась. Дай, думаю, проверю, все равно проезжал мимо.

– Хорош врать. – Коржик с удвоенной силой вдавил его в стену.

– Ты лучше дослушай, – продолжил Егор. – Ее там не было.

– И где ж ты ее нашел? – наливался все большим гневом Никифор.

– В соседнем доме, у Косачевых. Дым-то, как выяснилось, оттуда шел.

– Врешь, – коротко выдохнул Коржик. – Что Мара забыла в доме у Косачевых?

– Вот и я удивился, – ответил Егор. – Она сказала, что мусор в их печке жгла. А мне не веришь, сам потом у нее спроси.

– Надо будет, спрошу, – сурово отреагировал Коржик.

– Ребята, ну что за хамство? – возник на крыльце дядя Федя. Он только что умылся и застегивал на ходу чистую клетчатую рубашку. – Мать старалась, ужин на столе, а они здесь преспокойно шушукаются. Ну-ка, марш в дом!

Никифор, ни слова больше не говоря, отпустил Егора, однако тому было ясно: конфликт не исчерпан. Во взгляде друга по-прежнему читалась подозрительность: он явно подозревал измену и вероломство.

После ужина Коржик немедленно испарился вместе с легким велосипедом. «Поехал с инспекцией, – тут же понял Егор. – Впрочем, пусть, повидается с Марой, и утихнет».

Но Коржик вернулся мрачнее прежнего.

– Ну, что теперь не так? – поинтересовался Егор.

– Отстань! Надоел! – прорычал Никифор и, плюхнувшись на кровать, отвернулся к стенке.

– Поссорились, что ли? – проявил искреннее сочувствие Егор.

– Заткнись! – взвился на ноги Коржиков. – Квохчешь, как мамочка над сыночком! Какое вообще твое дело? Не лезь в мою личную жизнь своими грязными лапами!

– Это я к тебе лезу! – лопнуло терпение у Егора. – Хочешь честно? Мне твоя личная жизнь до высокого фонаря! Ты меня своей Марой достал!

– Заткнись! – Никифор, сжав кулаки, пошел на него.

Драться с другом Егору совсем не хотелось, тем более по такому поводу, пусть один дурью мается, если ему приспичило. Ловко увернувшись от его выпада, он быстро сбежал вниз по лестнице. Никифор что-то орал ему вслед. Егор, не слушая, выскочил на улицу и, пробежав немного по направлению к озеру, залег в кустах, надеясь, что Коржик, потеряв его, быстро остынет. Человек он отходчивый, глядишь, через час совсем успокоится.

Никифор, однако, даже не погнался за ним. Проведя еще некоторое время в своем укрытии и устав отбиваться от комаров, Егор счел за лучшее вернуться в дом. По дороге его перехватил дядя Федя и привлек к мытью машины. Работали они до тех пор, пока «Нива» не заблестела, как зеркало.

– Теперь отдыхай. Свободен, – возвестил о конце трудов праведных Федор Николаевич.

Собственно, уже пора было отправляться спать, и Егор ничего не имел против этого. На него напала отчаянная зевота. Видимо, сказывались дальние поездки на велосипеде. Намотался, накрутился педалей, да и загадка, по-прежнему не разгаданная, весь день не давала покоя.

Никифор так и лежал, отвернувшись к стенке, только за время отсутствия друга разделся и улез под одеяло. Вот лучше его и не трогать. Быстро скинув с себя одежду, Егор провалился в сон без сновидений.

Разбудил его тихий скрип. Сумрак июньской ночи серебрила луна. В свете ее на фоне оконного проема четко обрисовывался темный человеческий силуэт. Мара? Нет, не она. Волосы слишком короткие. И фигура для нее пухловата. Коржик! Но зачем он стоит в окне? Егор ушипнул себя за руку, чтобы проверить, не спит ли он. Ему стало больно.

Коржик уже, пытаясь, соскальзывал со стены вниз. Едва голова его исчезла за подоконником, Егор на четвереньках подобрался к окну. Так и есть. К батарее была привязана веревка; она тянулась через подоконник вниз. Выходит, пока он, Егор, гулял, Никифор основательно подготовился к ночной вылазке. Вопросы, куда он намылился, не возникало. Естественно, к Маре. Без вариантов.

Заранее, значит, договорились? Она назначила Коржику ночное свидание? Но тогда почему он вернулся такой недовольный? Прикидывался? Непохоже. Никифор был в совершенно искренней ярости.

Егор стремительно натянул на себя одежду. Нельзя отпускать Никифора одного! Влипнет еще в историю... Егор быстро и ловко съехал вниз по веревке. Вдали мерцал свет фонарика. Мальчик ринулся вслед за Никифором. Хорошо еще, на велосипеде не пришлось ехать. В густых сумерках пробираться по лесу тоже, конечно, не очень весело, тем более свой-то фонарик Егор впопыхах не взял, поэтому постарался как можно скорей сократить дистанцию между собой и другом.

Тот пер по дороге, огибающей озеро, с упорством и прямолинейностью бронетранспортера. Он сопел, пыхтел, ворчал. Это было Егору на руку. Можно не осторожничать. Даже случайный хруст ветки не привлечет внимания.

Они шли и шли. Насколько же все по-другому выглядит ночью! Каких-нибудь несколько часов назад, ранним вечером, он проезжал по этой дороге. Ну кусты, ну деревья. Ничего примечательного. А сейчас все они походило на сказочных чудищ, тянущих свои руки-ветви к одиноким путникам. Того и гляди хватать – и уволочут в беспросветную чашу, где, наверное, после полуночи начинается своя особая жизнь. Попадешь туда, и не будет возврата.

Свет впереди плясал, плясал да вдруг и погас. Сопение прекратилось, ворчание смолкло. Звук шагов тоже стих. Егор запнулся о корень и чуть не упал. Затаив дыхание, посидел на корточках, прислушиваясь. Полная тишина вокруг. И ни единого признака присутствия поблизо-

сти Никифора. Он как сквозь землю провалился. Или все же услышал его, Егора, шаги? Подумал, что за ним крадется кто-то чужой и опасный, выключил фонарик; теперь тоже таится где-то там, впереди, выжидает.

Идти вперед или подождать? Вдруг Никифор успокоится и снова включит фонарик. Егор, еще немного посидел. Друг по-прежнему не выказывал своего присутствия. По прикидкам Егора они уже находились совсем близко от Мариного дома. Может, прямо туда и направиться? Никифор-то, если ушел, наверняка уже на месте. А если нет, вот-вот подоспеет.

Егор осторожно двинулся вперед. Счастье еще, что вышла луна, хоть что-то видно. Только Никифор так и неизвестно где. Вот наконец дом Мары. В окнах ни огонька, и гнетущая тишина вокруг. Егор осторожно потянул на себя калитку. Не заперто. Он шагнул во двор. По периметру обошел дом. Никого. Изнутри – ни звука. То ли там крепко спят, то ли вообще отсутствуют. А главное, никаких следов Коржика. Куда его могло унести?

«К Косачевым! – вдруг осенило Егора. – Надо срочно проверить там!» Почему он был в этом уверен, сам толком не мог бы ответить, но ноги сами понесли его к заброшенному дому.

Калитка была распахнута, а заросли крапивы основательно примяты. Впрочем, Егор ведь сам над ними сегодня основательно потрудился. Дом и днем выглядел достаточно мрачно, ночью же от него вообще мурашки по коже бегали. Егор застыл, не в силах сделать и шагу. Все его существо сопротивлялось движению вперед. «Разворачивайся и беги без оглядки!» – командовало тело.

В зарослях крапивы хрустнуло. Он дернулся и чуть было не побежал, однако усилием воли принудил себя остаться на месте. Это ведь наверняка Коржик. Егор, до боли закусив губу, сделал трудный первый шаг, затем еще один и еще. А потом вдруг с кем-то столкнулся, прямо у самой стены косачевского дома.

В плечо вцепилась рука. Глаза ослепил луч света. Егор зажмурился.

– Фу, черт, это ты, – раздался знакомый исполненный возмущения шепот. – Что ты здесь делаешь? За мной следишь? Или это она тебе...

– Я не слежу, – открыл глаза Егор. – Да опусти ты фонарь! – Коржик послушался. Егор продолжал: – Я просто увидел, как ты удираешь, вот вслед за тобой и двинулся. Вдруг, думаю, тебе моя помощь потребуется. Ты-то сам что здесь делаешь?

Никифор выдержал длинную паузу и, наконец, прошептал:

– А, ладно. В общем, я после ужина-то поехал. Думал, она уже никуда не денется. Либо в одном доме застану, либо в другом. Куда ж ей еще на ночь глядя? Приезжаю – ее у Потылихи нет. Я сюда, к Косачевым. Смотрю – дверь открыта. А там... – он осекся. – Понимаешь, она говорила там с кем-то. Мол, сейчас ей пора домой, а ровно в час ночи вернется. Тут слышу по голосам, они к двери направились. Я – в кусты. Мара вышла и дверь закрыла.

– А тот, с кем она разговаривала? – тихо поинтересовался Егор.

– Внутри остался, – пояснил Коржик. – Сперва я хотел за Марой пойти, но раздумал, – он скрипнул зубами. – То мне глазки строила, а теперь получается, к кому-то другому ночью пойдет. Вот я и решил: явлюсь и испоганю им всю малину. Будет знать... – У Никифора не хватало слов. – Короче, пойдем, Граф, спрячемся. Она скоро должна появиться. То, что ты тоже здесь, даже лучше. Поможешь. Вместе в два раза больше шума поднимем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.